

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

ВСТРЕЧИ –
РАССТАВАНИЯ
(СБОРНИК)

Георгий Викторович Баженов

Встречи – расставания (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42191670

*Встречи-расставания. Провинциальные драмы. / Баженов Г. В.: Книга
по Требованию; Москва; 2012*

ISBN 5-7117-0134-7

Аннотация

Действие двух повестей Георгия Баженова разворачивается на Урале и в Сибири. Сколь многое в жизни зависит от собственного нашего участия или неучастия в судьбах близких людей. Сколько жестокости и зла происходит от нашего равнодушия и невнимательности, нашей черствости и эгоизма. Будьте добры, внимательны, берегите друг друга – вот лейтмотив прекрасной книги Георгия Баженова «Встречи-расставания».

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

Содержание

Добрая душа	4
Встречи-расставания	8
Глава первая	8
Глава вторая	21
Глава третья	35
Глава четвертая	61
Глава пятая	78
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Георгий Баженов

Встречи-расставания.

Провинциальные драмы

Добрая душа

О Георгии Баженове,

человеке и писателе

Писательская судьба Георгия Баженова не типична, крайне удивительна для современного литератора.

Георгий Баженов увидел опубликованными свои произведения еще будучи воспитанником Свердловского суворовского училища. Однако началом своей литературной деятельности он считает публикацию рассказа «Добрая душа» в журнале «Смена» в 1971 году, то есть тридцать пять лет назад. За эти годы Георгий Баженов написал и опубликовал множество рассказов, повестей, романов. Несмотря на то, что он никогда не был секретарем Союза писателей, не занимал никаких должностей в писательских организациях, книги Баженова охотно печатали все центральные издательства.

Впервые его имя я услышал от своего руководителя семинара во ВГИКе, который сказал одному из студентов, что

о человеческих страстях надо писать без надрыва так, как делает это Георгий Баженов. Я заинтересовался, взял книгу Баженова в библиотеке. Помню, она меня не взбудоражила, не вызвала сильных эмоций, не лишила сна от переживаний, но осталось стойкое впечатление, что встретился я с настоящей литературой, а не с игрой в литературу. Было такое ощущение, что я познакомился с надежным, крепко стоящим на ногах, добрым, отзывчивым человеком. Хотелось новой встречи с этим человеком, общения с ним. В книге была показана бесхитростная жизнь обычных людей, таких, какие жили вокруг меня, показаны живые отношения между ними, и написана она была ясным русским языком, без выкрутасов, без ужимок. Когда я высказал свое впечатление о книге Баженова друзьям-литераторам, они, оказывается, уже читали его произведения, и мнение у них было на редкость единодушным: «Баженов – честный писатель!»

Позже, в Москве я познакомился с Георгием Баженовым. Он оказался таким, каким я представлял его, читая книги писателя. Спокойный, надежный, немногословный человек. С доброй улыбкой, с доброй душой.

В бурные годы перестройки и реформ я потерял его из виду. Не встречал ни на кипящих от страстей площадях, ни на бурных писательских собраниях, ни на пленумах, ни на съездах. Не встречал его имени под произведениями ни в газетах, ни в журналах, ни на обложках книг на прилавках магазинов. Думалось, что он, как и многие писатели в эти го-

ды, растерялся, разочаровался в литературном труде, бросил писать, занялся чем-то иным. Но вдруг...

Вдруг я узнаю, что все эти годы Георгий Баженов продолжал работать за письменным столом. За последнее время одиннадцать его книг одна за другой появились на прилавках магазинов. Пока мы митинговали, шумели на собраниях, витийствовали в буфете ЦДЛ, Георгий Баженов занимался тем, чем должен заниматься писатель: сидел за столом и работал, писал; писал о тех людях, среди которых жил в эти бурные годы, описывал те ситуации, в которые они попадали, рассказывал об их болях и радостях, об их страстях, которые часто по накалу своему были равны шекспировским, об их надеждах, рассказывал о простом счастье живого человека. И к своему шестидесятилетию выпустил одиннадцать новых книг.

Чем же тогда не типична, удивительна писательская судьба Георгия Баженова?

Вспомните любое имя известного современного писателя, и сразу же перед вашим мысленным взором всплывет какая-нибудь литературная группа, и вы невольно подумаете: этот диссидент, этот деревенщик, этот постмодернист, этот из секретарской литературы, этот связан с таким-то скандалом, этот там-то прошумел. Но ничего подобного имя Георгия Баженова у вас не вызовет. Ни в какие обоймы его никогда не включали критики, просто писали о его книгах, ни в какие группировки он не входил. Разве это типично для

нашего времени? Разве это не удивительно?

Служил и служит Георгий Баженов только одному – русской литературе! И дай Бог, чтобы это служение продолжалось еще долгие годы. А я убежден, что произведения Баженова будут жить своей особой, неумирающей жизнью: его вроде бы тихими, не скандальными произведениями русская литература будет гордиться многие годы.

Здоровья тебе, Георгий, бодрости, крепости духа, вдумчивых читателей и критиков!

ПЕТР АЛЕШКИН,

9 июля 2006 г.

Встречи-расставания

...Порок живописен, а добродетель тускла.
В.В. Розанов

Глава первая

Петровна была в сенцах, когда вошел милиционер:

– Здравствуйте. Вы будете Александра Петровна Симукова?

– Я самая и есть. Здравствуйте. – Петровна настороженно пошарила по карманам фартука. – Да вы проходите, проходите, у меня тут... уборку вот затеяла: все вверх дном...

– Что же вы, Александра Петровна, – с укоризной начал милиционер, проходя в дом, – не выполняете указаний администрации?

– Это какие указания? – Петровна выставила перед милиционером табуретку, смахнула с нее пыль. – Присаживайтесь, в ногах правды нет.

– Ну, как какие... – Садиться на табурет старшина не стал, а сразу прошел в большую комнату, по-хозяйски окидывая ее взглядом. – Домишко ваш снесли?

– Снесли, слава Богу, снесли...

– Ну вот... Теперь, стало быть, что из этого следует? –

Старшина рассматривал на стене вышитый гладью Кремль. –
Добрая работа.

– Да куда там... – смутилась Петровна. – Баловалась в де-
вичестве.

– Добрая... – Старшина постоял, полюбовался карти-
ной. – А слушаться администрацию все-таки надо. – Мили-
ционер улыбнулся Петровне. – А?

– Так только то и делаю, что слушаюсь... Как не слушать-
ся-то? Нехорошо.

– Именно так. Ведь домик ваш снесли?

– Снесли, слава Богу, снесли.

– И ордеров на получение комнаты выписали. Выписали?

– Чего не знаю, того не знаю.

– Выписали, Александра Петровна, выписали. Теперь,
стало быть, что надлежит сделать? Надлежит ордер на руки
получить.

– Так ежели он без надобности?

– Как так может быть без надобности? – Старшина снова
улыбнулся, подошел к горке, начал рассматривать немудря-
щую посуду. – Жить вам где-то надобно?

– Ну, милый... жить-то я и здесь, слава Богу, проживу.
Недолго уж до смерти-то осталось.

– А это, Александра Петровна, дай вам Бог здоровьица
жить еще долгие годы. А вот проживать на данной жилпло-
щади не имеете права. Переезжайте в свою законную комна-
ту.

– Так мне комната не нужна. Зачем мне комната? Я же говорила комендантше, не надо мне ничего, проживу и здесь с внучонком. Уж как-нибудь...

– Погодите, погодите... – Милиционер присел наконец на табуретку, Петровна быстро устроилась напротив. – Давайте по порядку. Вы прописаны на данной жилплощади? Нет, не прописаны. Значит, что? Значит, нарушаете паспортный режим. Подвергаете себя серьезной опасности – крупному штрафу. А ведь у вас, Александра Петровна, есть теперь своя комната. Нужно получить ордер и прописаться в ней. Простая арифметика.

– Я и говорю... Зачем мне комната? Заберите у меня комнату, а самоё тут пропишите, у снохи с внучком, раз уж чтоб без нарушений. А то у меня лишних денег нет, за еённые комендантские глупости расплачиваться.

– Тут глупостей никаких нет, Александра Петровна. Комендант Куприянова требует по закону. Мало ли кому где жить захочется. Надо еще право на прописку иметь. А у вас такого права нет. Здесь прописаны ваша сноха, ваш внук, а у вас есть свое жилье. Получайте его и прописывайтесь. В случае же дальнейшего нарушения паспортного режима к вам будут приняты строгие меры. Несмотря, извините, на ваш возраст.

– Так это как же это так... внучок мой здесь останется, а я должна в другом месте жить?

– У вашего внучонка есть мать.

– Так ведь она далеко... по договору на Севере... они ж туда еще с Кольшей...

– В таком случае мальчика можете забрать на свою жилплощадь.

– А здесь, значит, никак нельзя? – сокрушенно покачала головой Петровна.

– А здесь нельзя. Не имеете права без прописки.

– Вот беда-то... А мне вон Аня пишет, мама, мол, и не надо тебе никакой комнаты, живи с Алешкой как жила, приеду – пропишешься у нас, а то ни то ни се получится... зачем нам отделяться?

– Вот когда приедет, тогда и ставьте вопрос. А пока получите свою собственную комнату, прописывайтесь. – Старшина поднялся с табуретки, поправил ремень. – Сегодня же сходите в ЖЭК, Александра Петровна. Знаете Яновскую такую, председателя жилкомиссии?

– Как не знать...

– Ну так вот, к ней. – И с этим, попрощавшись, старшина вышел из дому.

Алешке Петровна написала записку, мол, придешь из школы, обед в духовке, а сама, надев новое платье – подарок Ани, отправилась в ЖЭК. Яновской на месте не оказалось. Посидела Петровна, посидела на стуле около ее двери, вышла во двор. Непокойно у нее на душе. Главное, не понимала она, как правильно поступить. Получишь эту комнату, а потом у Ани не пропишут. Обидится Аня. Скажет:

что, мама, не хочешь уже с нами? Обязательно обидится. А с другой стороны, как тут самой все сообразить? И пенсию не дают без прописки. То давали-давали, а тут на тебе – не дают. Будто Петровна уже и не Петровна. А без денег тоже не жизнь, без денег им с Алешкой туго приходится.

Петровна вышла на Пролетарскую улицу, завод вдалеке знакомо дымил трубами. Может, к Лиде в заводоуправление заглянуть, расспросить обо всем? Когда-то она им помогла, не посмотрела, что Кольша обидел ее, добрая оказалась душой, незлопамятная. И потом – законы она знает. А когда законов не знаешь, как тут правильно поступишь?

Завидев Петровну, Лида с ходу затараторила:

– Что ты, тетя Шура, даже и не вздумай соглашаться! – Отвела старуху в сторону и горячо зашептала: – Я тут кое-что слышала о вашей квартире. Понимаешь, тетя Шур... у Ани-то когда договор закончился? Ну вот, в январе. Еще немного подождут – и могут, чего доброго, квартиру отобрать. Заводу жилья не хватает, сама знаешь, а тут квартира такая шикарная. Закончился договор, будь добр, приезжай обратно, не приедешь – через полгода могут отобрать квартиру. Пиши скорей письмо на Север: Анька, мол, ты что, сдурела, приезжай быстрее, а не то не видать тебе своей квартиры. Ты сама-то понимаешь, тетя Шура? Даже если и приедет – ее сильно прижать могут. Сколько человек прописано? Она да Алешка. А квартира – ого-го, три комнаты. Подселят алкаша, сама запросит хоть маленькую, да отдельную кварти-

ру. А если тебя пропишут, с метражом все нормально будет. Поняла?

– Понять-то я поняла, Лид, да не очень... Мне-то чего делать? Соглашаться на комнату или как?

– Фу-ты, тетя Шура, я ж тебе толкую... да нет, конечно! Затяни пока. Аня приедет, пропишет тебя у себя. Будете жить вместе. Зачем вам отдельно-то?

– Именно што так. Нам бы только вместе. А не то Аня обидится, скажет, мама, мол, ты от нас куда же это? А?

– Да ясно, ясно, тетя Шура. Ты, главное, говори им: Аня приезжает скоро, вот, мол, вот... подождать, мол, надо. Вот и все.

– Ну, спасибо тебе, Лид. Растолковала старухе. А то се дня милиционер пришел – у меня и поджилки затряслись.

И обе они, Петровна и Лида, отходчиво рассмеялись.

– Ничего, тетя Шура, не бойсь. Дело житейское. Как там Алешка ваш?

– Алешка? – Петровна махнула рукой – то ли обрадованно, то ли благодарно. – Растет. В Кольшу, кажись, пошел – и тихой будто на вид, а внутри не поймешь его. Заглянула б как-нибудь, а, Лид?

– Тетя Шура, я б с радостью, да сама знаешь... своя семья.

– Замуж вышла? – всплеснула руками Петровна.

– Ага!

– Вот так радость у тебя! А я и не слыхала... Ну, Лидуха, ты совсем молодец! А он кто же у тебя?

– Да тут, наш один, из заводоуправления. Покажу как-нибудь.

– Ну, дай вам Бог счастья, – стала прощаться Петровна. – Пойду уже. А то прозеваю Яновскую, опять милиция придет.

– Ну, ни пуха ни пера, тетя Шура! А Ане письмо поскорей пиши, а то она неизвестно чего там думает.

– Это уж да, Лид, как домой приду, так сразу и отпишу. Ну, бывай здорова.

– До свиданья, тетя Шура!

Яновская носила круглые очки – вид строгий и даже суровый; но Петровне она улыбнулась как старой знакомой:

– Присаживайтесь, Александра Петровна.

– Спасибо. – Старуха осторожно присела на краешек стула.

– Вы извините, я сейчас... – В комнате у Яновской толкался народ, с бумагами и справками – все свои, жэковские; через минуту-другую, подписав разные бумаги, Яновская осталась за своим столом одна.

– Что же вы так долго не приходили, Александра Петровна?

– Да вот такое дело... некогда все... а сегодня как раз старшина...

– Ну да, мы решили милицию подключить, – снова улыбнулась Яновская, – думаем, милицию-то уж вы послушаетесь.

– Это уж, конечно, как не послушаешься.

– Та-ак, сейчас... – Яновская порылась в ящиках стола, достала нужную бумагу. – Вот, Александра Петровна, распишитесь вот здесь – внизу, и с этой минуты вы владелец собственной комнаты. – Яновская протянула Петровне ордер и авторучку.

Старуха взяла ручку, бумагу, начала высматривать место, где нужно поставить подпись.

– Нет, не на ордере. А вот здесь, в книге... мол, я такая-то такая, получила ордер на руки... и так далее... такого-то числа.

– А как же это писать-то?

– Нет, Александра Петровна, вы просто распишитесь вот здесь. А остальное там уже написано.

– Ага, понятно... – Петровна приноровилась к книге, поставила ручку. – А не расписываться никак нельзя?

– Как то есть не расписываться? – улыбнулась Яновская. – Да это же все формальности, Александра Петровна. Главное – получайте ордер и въезжайте в новую комнату.

– Так, понятно. Да... – Старуха подняла глаза на Яновскую. – Так ведь комната-то мне не нужна.

– Это как же это так? – поразились Яновская. – Такого быть не может, чтобы вы не нуждались в жилье.

– Как не может... Зачем мне комната-то? Я сколько раз комендантше говорила об этом.

– Ну, как же... ведь у вас был собственный домик? Был.

Его снесли? Снесли. Естественно, исполком принял решение: выделить вам отдельную комнату.

— А я от этой комнаты отказываюсь, значит. Она мне вовсе и без надобности.

— И где же вы жить собираетесь?

— Да с Аней буду жить, где ж еще-то. С Алешкой. Они, слава Богу, не чужие мне. Одна семья.

— Да кто это в наше время от собственного жилья отказывается? В первый раз такое слышу... Ну, получите свою комнату, а живите где вам захочется.

— Ишь вот как вы говорите... А вот получу комнату, вы меня у Ани-то и не пропишите.

— А зачем вам там прописываться?

— Как зачем? А затем, што я там жить собираюсь. Да и помирать там буду. Нам два дома не нужно. Не чужие. Родня.

— В том-то и дело, Александра Петровна, сегодня они вам родня, а завтра...

— Как то есть завтра? Мне вон и Аня пишет: вот, мол, вот домой вернусь, пропишешься, мама, у меня — заживем не хуже других...

— А вы подумали, зачем она вас хочет прописать у себя?

— А как не подумала. Конешно, подумала. Аня-то у нас хорошая, хочет, штоб хорошо все было... штоб по-семейному.

— Никто не отрицает, может, она и в самом деле хороший человек. А только прописать она вас собирается, чтобы всю площадь за собой сохранить.

– А вы, значит, хотите площадь отобрать у нее?

– Да с чего вы это взяли?

– Есть на свете добрые люди...

– Эх, Александра Петровна, Александра Петровна, – укоризненно покачала головой Яновская, – люди-то, может, действительно добрые, если правильно объясняют, а если неправильно?

– Как так неправильно? Наоборот, выходит, как раз и правильно, раз добра хотят старухе.

– А мы, значит, добра не желаем?

– А коли добра желаете, зачем комнату навеливаете?

– Странно вы разговариваете, Александра Петровна... – Яновская в задумчивости постучала пальцами по столу. – Ну, хорошо, буду с вами разговаривать начистоту. Только уж не обижайтесь...

– Это последнее дело – на правду обижаться. – Петровна отложила ручку в сторонку.

– Вам ваша Аня – она кто? Дочь или кто?

– А как же, дочь будет.

– Нет. Она вам сноха, так это называется? Сноха. А вот Николай был ваш сын.

– А Кольша, это уж, конечно, сын. – Голос у Петровны дрогнул.

– Во-от... а Николай был сын. Кто мог знать, конечно, что так все обернется... но ведь в живые его не вернешь?

– Я б жизнь отдала... лишь бы он, мой голубчик...

– Вы не обижайтесь, Александра Петровна, но вы сами натолкнули меня на этот разговор. – Яновская грустно помолчала. – А теперь взгляните... Вот вы хотите жить вместе с Аней и внуком. Отказываетесь от комнаты. А ведь Аня – женщина молодая...

– Это уж так, молоденькая совсем... – кивнула Петровна. – Беды только взрослые.

– Вот... А раз молодая, значит, что может получиться?

– Што?

– А то, Александра Петровна, что ведь замуж она выйдет. Или вы думаете, она вечно будет вдовой?

Петровна ошарашенно молчала.

– И теперь представьте, – продолжала Яновская, – вот у нее новая семья, а вы как же? С ними жить будете? А мужу – понравится это? Никому это не понравится. И Ане вашей тоже. Вы ведь как укор будете...

– Вот оно, значит, как... – протянула в растерянности Петровна.

– Именно так. На заседании исполкома товарищи прямо рассудили: что же это, мол, сама Александра Петровна Симукова не понимает такой простой житейской ситуации? Отказывается от комнаты, настаивает, чтобы ее прописали в квартиру снохи... а для чего? Ну а если не будет у нее жилья – куда она пойдет потом, когда со снохой у них разладится? Ведь к нам опять пойдет? К нам. За чем? За жильем. Так для чего нам двадцать раз разрешать один и тот же вопрос?

Постановили – ввиду сноса вашего старого домика выделить вам комнату. Получайте ее и живите спокойно. А со снохой, когда она вернется с Севера, стройте отношения, как уж вам обоим совесть подскажет.

– Так она уж вот-вот, на днях, может, и приедет...

– Тем более – значит, очень скоро все станет на свои места. Понятно вам теперь, Александра Петровна, что о вас товарищи побеспокоились?

– А как же, понятно... большое спасибо. Можно, значит, пойти?

– Ну да, конечно. Поставьте вот здесь подпись. И можно вас поздравить с получением ордера.

Петровна опять было склонилась над книгой, нацелилась ручкой и вдруг тихонько, не поднимая головы, спросила:

– А без подписи, выходит, никак нельзя?

– Как без подписи?! Да вы что, Александра Петровна, в самом-то деле?! Я ведь вам столько объясняла...

– За то спасибо, конечно. Но сами посудите... – Петровна подняла глаза, жалобно сиявшие горечью и мукой. – Аня-то приедет, а я што скажу? Комнату, мол, получила. Выходит, и не хочу я жить с ними... как же так-то? А я как раз наоборот... вся душа к ним прикипела... мне без них и жизнь зазря получается. Вот как...

– Александра Петровна, как же вы не понимаете! Да ведь вы...

– Вы уж извините, а я... я, пожалуй што, пойду... вот

как... – И с этими словами Петровна неожиданно поднялась со стула и направилась к выходу. – До свиданьяца.

– Как?! Куда же вы?! – встала из-за стола Яновская. – Да постойте же...

– А значит, так, – серьезно проговорила Петровна, обернувшись в дверях. – Не сегодня-завтра Аня приедет, мы и ответим свое. А без Ани мне мало што понятно, а обижать ее – это мне никак не под силу... – И старуха вышла из комнаты.

Глава вторая

– Уйди... не могу я, не могу! – Аня не противилась, не отталкивала его, но сидела как в воду опущенная, полуотвернувшись к окну, низко опустив голову. – Господи, как ты меня мучаешь... и ведь стыдно-то как, сты-ы-ыдно...

Он все понимал и терзался не меньше ее, в то же время ничего нельзя было поделать с собой. Он с трудом оторвал свои губы от пульсирующей на ее исхудавшейшее голубоватой жилки, медленно открыл глаза, с тяжелой тоской выдохнул воздух.

– Не можешь? – потерянно прошептал он, как бы вовсе не спрашивая, а утверждая.

– Не могу, Яша... – Она повернулась к нему, из глаз ее на встречу ему засочились глухая горечь, любовь, мука, он любил эти глаза больше всего на свете, в них светились правда и преданность, в них укором стояла память, проклятая и светлая память.

– Я понимаю, – сказал он. – Я завидую.

Осторожный, нежный ее палец лег ему на губы:

– Не надо...

Он чувствовал губами легкое прикосновение ее пальца, вдыхал горячий запах шершавой кожи, подрагивая то верхней, то нижней губой, как бы лаская ее палец. На самом деле это пульсировала в надкусанных его губах кровь. Он снова

без сил закрыл глаза, ощущая ломящую боль в висках, отчего брови поневоле нахмурились, сдвинулись к переносице, и он чуть покачал головой, словно хотел убаюкать свою боль. Палец ее скользнул с его губ, упал на подбородок, уютно лег в ямочке, поросшей жесткой щетиной, и сдержанность была для нее сейчас выше их общей муки, она два-три раза провела мягкой округлостью пальца по его ямочке, что-то в нем задрожало и сдвинулось, левой рукой он потянулся к ее собранным на затылке волосам, неощутимо привлёк к себе ее голову и смотрел на Аню широко открытыми, молящими о любви глазами. Волна томности нахлынула на нее, палец соскользнул с подбородка, горячая влажная ладонь легла на загорелый, открытый от распахнутой рубахи треугольник его груди, поросший седоватыми колечками волос... Она почувствовала, как пальцы его напряглись и больно вжались в ее затылок, и эта боль не была болью, а была желанна, Аня подалась на его чувство, которое сама только что вызвала в нем, глаза ее слёзно подёрнуло дымкой, и теперь она смотрела на Яшу его же глазами – молящими о любви, о прощении. В какую-то долю секунды она еще видела, как веки его медленно опустились, а губы были уже совсем рядом и были ослаблены, и когда доля этой секунды отлетела в вечность, Аня уже сама была с закрытыми глазами, ощущая пока еще холодными губами горячие губы Яши. Она с силой, с трудом оторвалась от него, когда дышать было совсем нечем, широко открыла рот и быстро-глубоко вдохнула несколько

раз воздух; Яша в нетерпении снова поймал ее губы на полувдохе, и опять она отдалась поцелую, с обмирающей в душе покорностью чувствуя, что нет в ее сердце ни стыда, ни защиты от этого наваждения. Он целовал ее такими изнуряюще долгими поцелуями, что вскоре она перестала сознавать, кто она, где она, зачем она, только покой и истома и необоримое желание блаженства, глухое моление Богу: Боже мой, Боже мой, Бо-о... «Бо-о-ольно!» – вдруг тихо вскрикнула она, и этот для нее самой неожиданный крик пронзил ее память так, будто игла вошла в сердце. Яша подергивал ее лифчик, никак не давалась застежка, маленькая и верткая под дрожащими пальцами; застежка больно впилась в тело, Аня вскрикнула, и вместе с этим вскриком жалящая укором мысль пронеслась в ней: «Кольша был не такой. И в ту же секунду ей стало мерзостно от самой себя, от обоюдной этой похоти, страсть схлынула, будто ее и не было.

– Уйди... уйди же! – с решимостью оттолкнула она Яшу двумя руками; он упал на постель навзничь, ошарашенно глядя на нее и почернев в лице от унижения. – Уйди! – повторила она не то что голосом, а злобным шепотом.

Он медленно поднялся с постели, в который раз выругивая себя в душе черным матом, кляня себя за эту прихотливую и постыдно-беспомощную любовь, кляня судьбу за то, что когда-то она свела их всех вместе. «Мать твою и в Бога, и в душу!» – шептали его губы, пока он непослушными руками надевал пиджак, шарф, полушубок, нахлобучивал шапку.

В дверях он замедлил жесткий свой шаг, остановился. И так стоял, дожидаясь, скажет ли она хоть слово, или он так и уйдет, с замутнённой, как прежде и как всегда, душой. Она молчала. Было непосильное искушение обернуться, взглянуть на нее и, если что, пусть даже упасть на колени, лишь бы не чувствовать удушающей сердце вины, которая и не была виной, а была одним лишь обманом. Она молчала. Он резко шибанул рукой дверь и вышел из комнаты, грохоча в передней коваными сапогами.

Она молчала, сидя с поникшей головой, уронив отяжелевшие руки между колен, и напряженно вслушивалась почти с умалишенным выражением на лице, как удаляется грохот его сапог. Каждый раз исступленно казалось, что это конец, что это даже больше, чем конец – это, быть может, начало выздоровления, уход от муки и любви, приход к освобождению и надежде. Но и этого ничего не было никогда и никогда не будет. С этой мыслью, которая гнетом сдавливала и без того отяжелевшее сердце, она как подкошенная упала на постель, уткнулась лицом в подушку, так и не освобождая стиснутых между колен рук, и, вовсе не замечая ни неудобства, ни боли в напряженных предплечьях, громко зарыдала. Голова ее сотрясалась, как сотрясается повозка на булыжной мостовой – безжалостно, остервенело, вкривь-вкось; отчаянное рыдание, ударяясь о подушку, опахивало ее лицо горячей одурью, а слезы и рыдания все больше безумили ее, застилали сознание, и нельзя было даже самой понять сейчас

до конца, отчего так горячо она плачет – тут одно на одно, накопленное, наслоившееся, истерзавшее душу и сердце.

Нет, не о жизни она сейчас рыдала, а в который уже раз оплакивала то, что должно было быть ее жизнью и что стало пропастью и тяжелым сном. Она знала, она давно поняла, что все бывшее – не суд ей и не судья и никак не может вершить всю судьбу женскую – от начала и до конца, и все же пока что именно бывшее решало ее жизнь. И через это безумие она не в силах была перешагнуть, память была ее мукой, но мука эта была ее совестью, а совесть и есть весь человек во всей его подлинности. И она рыдала сейчас с таким безысходным надрывом, столько муки и отчаяния выплескивала наружу вместе с плачем, что вскоре совсем обессилела и неожиданно, будто нырнув в небытие, провалилась в сон, взявший ее глубоко и крепко. Яркий до болезненности румянец проступил пятнами на ее щеках и висках, в правом уголке губ натянулась тонкой глянцевиной паутинкой запекаясь слюна, изъеденные слезами веки грузно отяжелели, старчески сморщенно нависнув над дымными под глазами полукружьями теней... Через минуту-две Аня уже крепко спала...

На вахту она ехала ни с кем не разговаривая. Это бывало с ней, находило такое – как сыч замыкалась в себе, хмуро глядя исподлобья в одну какую-нибудь нацеленную точку. Ребята привыкли, хотя помнили ее и другой – веселой, беспощадной на расправу, если уж попался ей на язычок. Но

это еще когда был жив Кольша...

Вахту Яша принял с мрачной сосредоточенностью: на Аню даже не взглянул, когда она, проседая в снегу, отправилась по сугробам в свою котельную.

– Врубилась! – с той же мрачной, почти даже злобной сосредоточенностью, с ходу скомандовал Яша.

«Будет сегодня!» – переглянулись Базиль с Ерохиным.

Рев электропривод... Надсадно скрежещет трос лебедки, многотонным камнем ахает вниз элеватор, бряцают запоры замков, звенит как будто выстреленная вверх свеча, с бешенством набрасывается на тело свечи автоматический ключ, сотрясая глубинное нутро буровой вышки – шум, грохот, скрежет, звон, рев моторов, сипение пара, бряцание замков и цепей, безжалостный северный морозец, жгучие нахлесты ветра – и темп, безостановочный темп, ускоряющийся темп работы... Под ногами надоедливо взрастает наледь, Яша с остервенением бьет каблуками кирзы по обкатистому нахолмию – летят по сторонам брызги льда. Ноги сейчас как бы живут отдельно от бурильщика, им надо – они и следят, скользко или твердо на рабочей площадке; самое главное – твои руки и твои глаза: руки и глаза бурильщика – его судьба.

– Спуск-подъем! Врубилась!

Полувзгляд первого помбура: «Базиль вас понял». Разудалая улыбка третьего помбура Сашки Ерохина, жест Вовчика на «полатях» – вахта готова к подъему инструмента, много слов не надо.

Яша врубает рычаг – болванка элеватора стремительно несется вниз; легкие довороты рычага – усаживается бешеный танец скорости, эlevator плавно наплывает на торчащую из скважины свечу. Базиль с Сашкой толкают замок на тело свечи – щелкают затворы, свеча захвачена. Новый поворот рычага – со скрежетом и стоном потянул эlevator из чрева земли громадину двухтысячестречевой колонны, вытянул на длину одной свечи – на двадцать четыре с хвостиком метра, – и тут уж стоп, родная, Яша дожимает тормоз до упора. Только еще содрогнулась свеча от резкого толчка остановки, а уж Базиль на своем пульте дает ход автоматическому ключу, со змеиной стремительностью бросается ключ к свече, железными челюстями перехватывает ее горло и ловко, вертко, как лампу из патрона, выкручивает свечу из колонны. А уж там, наверху, на «полотьях», Вовчик захлестнул свечу жгутом, будто аркан на нее набросил. Поднялась малость свеча наверх, нижний ее ок-рай обхватили Базиль с Сашкой и, налегая телом, прижимаясь брезентухой к синюшной, в потеках раствора, родной свечечке, загнали торец в свободный угол площадки. Еще дожим рычага – свеча плюхается на свое законное место, а вверху, на «полотьях», Вовчик подтягивает уже верхний край к себе и пристраивает его вдоль «пальца». Одна свеча на месте.

Свеча за свечой, минута за минутой, час за часом, без отдыха, без перерыва на обед, в задубевших брезентухах, чумазы, с паутиной морозного инея на бровях и ресницах,

обожженные ветром, с растекающейся ватностью в мышцах, ребята выдают на-гора всю многотонную громаду разъемного в свечи инструмента, пока не проклевывается из зева скважины долгожданное долото...

– Базиль, новое!

Открутили старое долото – а новое не подходит. Яша попробовал резьбу на ощупь.

– Резьба дрянь. Меняем переводник.

Сменили.

– Спуск, ребята. Врубились!

Девяносто свечей, громада метров и металла, девяносто сигарообразных спаренных труб нетерпеливо ожидали, когда их одна за одной вгонят в глубинное чрево скважины. Ничего не поделаешь – через каждую сотню метров придется поднимать и опускать инструмент – менять долото. Не заменишь – не забуришься дальше, заменишь – продвинешься внутрь земли на сотнягу метров.

Яша «стреляет» элеватором ввысь, Вовчик наверху загоняет свечу в мертвый по хватке замок, Яша легонько вирает свечу, а в это время Базиль с Сашкой накатывают свечу на резьбу турбобура. Яша врубает ключ – свеча, как будто на-масленная внутри, прокручивается в замке.

– Не берет! Мать твою... – ругнулся Базиль.

Яша вывел ключ в сторону, захлестнул инструмент в скважине пневмоклиньями.

– Проверь «сухарики»! – показал Базилю. – Да не так,

не так... – пробурчал недовольно и сам шагнул к автоматическому ключу и вдруг неловко поскользнулся, задев рукой трос...

Слабо закрепленный в проушине, боковой крюк резко сорвался и с лету ударил его по голове, чуть ниже каски; веером брызнула кровь.

– Сука-а... – захлебнулся стоном Яша, горестно сморщившись, не понимая еще, что с ним случилось. И тут же, как подкошенный, повалился на колени; тело его обмякло, повиснув на инструменте.

– Чего стоишь, дура! – заорал Базиль на осоловевшего от страха Ерохина. – А ну, держи... – Подхватив Яшу под руки, они стащили его с инструмента и положили прямо на залившую раствором площадку.

– Платок! Ну! Или... чего там...

Базиль сдернул с Яши каску, кровь, казалось, хлестанула из раны ручьем.

– Живей, ну... копаешься-а-а!..

Сашка скинул с себя робу, дерганул с головы свитер, рубаху, взялся за майку...

– Рубаху... давай рубаху!

Базиль распластал рубаху на длинные лоскуты и, как мог, обмотал Яше голову.

– Братцы, чего такое?! – По лесенке, с «полатей», как кошка, свалился на площадку Вовчик.

– Тихо, не ори... не видишь?! – прикрикнул Базиль. – А

ну, взяли... Стоп! – Сам себя остановил Базиль. – Сашка, дуй к Ане. Скажи... понял?..

Сашка кивнул и кубарем скатился вниз, побежал к котельной.

Базиль с Вовчиком подхватили Яшу и осторожно понесли с вышки; верхняя губа у Вовчика прыгала.

Они еще только подносили Яшу к будке, когда увидели, как из котельной, перемахивая сугробы, в расстегнутой настежь телогрейке, без шапки, бежала к ним Аня.

Она налетела на них как коршун, вцепилась в Яшу, им стало не под силу, и они опустили его на землю, на снег.

Аня упала с ним рядом, на колени, так и не выпуская из окостеневших рук брезентухи Яши, впиваясь взглядом в серо-мглистое лицо, словно пронзая его мольбой: «Что такое, что случи-и-илось, что-о?!..»

Наконец, когда ее прорвало, и она дико закричала:

– Не хочу, не хочу-у!.. – они, не обращая на нее внимания, разом подняли Яшу и понесли в будку.

– Вызывай машину! – Базиль жестом показал Сашке Ерохину на «Теслу». – Скажи: так и так...

– Ага, понял... – Руки у Сашки дрожали.

* * *

– Я думала, это все... конец... Я бы умерла.

– Ну что ты... – Он благодарно, ласково гладил ее тяжелой

ослабевшей рукой. — Ну, ударило разок... бывает.

— Ты не видел себя... Как смерть был.

— Скажешь тоже, — улыбнулся Яша какой-то детски недоверчивой, удивленной улыбкой: он как-то не представлял себя мертвым. — Ну, потерял сознание... а вы уж... навидумывали...

— Ты не понимаешь... Я... я бы не выдержала... я не знаю, что бы с собой сделала. Я не хочу больше, не хочу, не хочу! — На кончиках ее ресниц задрожали слезы.

— Глупая... Ну, я же живой? Ну и вот... и не надо плакать, не надо расстраиваться, моя родная.

— Господи, если бы ты знал... вся душа перевернулась во мне. Так и пронзило: «Что же я наделала?! Это я, я! Он из-за меня... я замучила его...»

— Ну, вот еще... случайно вышло, поскользнулся... сам виноват, крюк не закрепили.

— Ничего ты не понимаешь. Ничего...

Он гладил рукой ее волосы, а она с каким-то тайным испугом и одновременно с прорвавшейся наконец открытой нежностью в глазах вглядывалась в его лицо, как бы не до конца еще веря, что все обошлось. Ну, полежит день, другой... а там выйдет снова на работу, рана неглубокая; крови немало потерял, ослаб, а в остальном все такой же, как будто и не случилось с ним ничего. Яша, Яша...

— Я хотел тебе сказать...

И как прежде, как совсем недавно, осторожный нежный

ее палец лег на его губы:

– Не надо...

Он вдруг разом, глубоко задохнулся от этого тихого, ослабевающего на излете шепота, потянулся рукой к ее горячей, истонченной муками последних месяцев шее, обвил ее крепко, желанно, и она приняла его ласку, склонилась к нему, улыбаясь, как в тумане, плавающей, плывущей перед его глазами улыбкой, смотрела на него как на маленького ребенка, заранее прощая ему все его глупости из-за безмерности своей любви, и взгляд ее был полон не только нежности, но и как бы легкой усмешки, небольшого подтрунивания, но вскоре все это расплылось, растаяло, как только она почувствовала вначале слабый, а затем все более забирающий ее озноб, губы их слились, и ничего уже нельзя было понять и осознать...

В эту ночь она так и не смогла уйти от него.

А дома ее ожидало письмо, которое она распечатывала утром с виновато сжавшимся сердцем:

«Здравствуй, милая наша Анечка. Сил нету больше сдерживаться, потому пишу тебе все как есть. Ты не подумай, што у нас тут што плохо, наоборот, мы живем с Алешкой в веселости и довольны премного, хужее другое, сны мне разные с ужастями снятся, токо не об том сейчас и речь, разболталася... язык, недаром люди говорят, он без костей у нас. Приходил к нам мужчина милиционер, и после сама я

была у начальницы в жэке, которая по ордерам, заладили в один голос, чтоб мне из квартиры, Анечка, уйти, а как ты приедешь, скажешь, как, мол, мама, ты уехала, об том они не думают и не печалются. Еще побывала у Лиды, ты не обидишься, кто старое помянет, тому, говорят, глаз вон, она посоветовала, пиши скорей Ане, а срок ее кончится, пускай приезжает, а то будто бы квартиру вовсе отберут, а твои слова, что ты здесь родилась и никуда отсюда не съедешь, умрешь тут, как твои отец с мамкой, хотя не дай Бог, такие слова твои я сроду помню и потому пишу тебе, чтоб ты все знала и решила б, как тут надо. А кабы приехала, то и Алешка был бы рад несказанно, потому, когда Марья Ивановна, учительша, говорит, завтра-де, детки, родительское собрание, очинно ему хочется, раз папки его дорогого нету, чтоб хотя мамка посидела за партой с другими всеми родителями. Учиться он шибко старательный, но много разных мыслей в голове, от которых хмурится, а мне, старой, догадаться чаще невдомек, получается, живем хорошо, а будто и плохо. Измучился он душой по тебе, одно слово. А меня наискось слушается, говорит, ты, бабушка, прожила без арифметики, я тоже проживу. Нетто нынче так можно рассуждать. А в другом во всем у нас тишь и порядок, ждусь не дождуся весны, охота по земле потоптаться, кожа на ногах зудит – просится по земле-матушке пройтиться... Вот хотя и то, куды без огорода я буду, и Алешке без него тоже некуда, с мальства это куда как

худо, а в другом месте и без земли остануся, хотя не знаю, как это и можно. Много не надо, а без немногу нельзя, хотя бы штобы с крылечка повидать, как зацветает по лету картошка. Так што Лида говорит, Аня пускай долго не думает, а то тутa квартир как повсюду не хватает, могут враз забрать, ино не заявится, а мне тогда уйти придется беспрременно, хотя куда уходить, сама знаешь, без вас мне как без белу свету. На этом кончаю, крепко целуем и с большим душевным приветом к тебе – мама с Алешкой».

Глава третья

Аня возвращалась от судьи, с трудом, в тяжелый полунаклон снимала с ног боты и, чувствуя себя вконец разбитой, густо дыша от непривычной телесной грузности, осторожно пристраивалась на диван. Еще не знали, кто у них будет, Алешка или кто-то другой, а уж он вовсю давал о себе знать. Аня лежала на диване, распахнув настежь платье-халат, и какое-то время в облегчении ожидала, когда сердце ее само по себе немного успокоится. С каждой секундой дышать становилось легче, и какая-то как будто истома, но не истома, а томящая изнутри тяжесть наконец оставляла ее. Аня глубоко, порывисто делала два-три полных вдоха, воздух был так плотен, что даже в горле саднило, а через некоторое время все же легчало. Кожа с выступившими на ней капельками пота становилась прохладной, и явственно ощущалось, как она, подсыхая, колюще сжималась и натягивалась на животе. Удивленная до чувства недоверия к видимому, Аня, как и много раз до того, с холодящей тревогой смотрела, как округлый, большой живот вдруг начинал бугристо, волнами ходить, и, что самое странное, каждый раз в другом месте, будто ребенок там внутри крутился и кувыркался, как ему когда нужно. Все-таки до жути странно было и непонятно, что он там давно живой, настоящий, с ручками и с ножками, ест, пьет и спит... и так иной раз чудно и загадочно это пред-

ставится, что голова вдруг кругом пойдет: надо же, не было никого, никакой жизни, ничего... и вдруг... В такие секунды Аня проникалась особенной нежностью к Кольше, тут было так, словно это он, Кольша, и есть главный виновник чуда. И сейчас, когда она с прежним любопытством вглядывалась, как нетерпеливо бьется в ней ребенок, к всегдашнему ее чувству умиления и нежности прибавлялось ощущение горькой обиды за человеческую жизнь. Неужели он родится только для того, чтобы потом умереть? Господи, как же это обидно...

Ребенок в животе слишком растревожился, требовательно и сильно бил ножками, как будто недовольный чем-то, хотя чем ему быть недовольным? Аня улыбнулась, и в этой ее улыбке было все-таки столько материнского счастья, гордости собой, что, конечно же, никакие мысли о смерти не могли ни смутить, ни замутить ее состояния надолго. Пусть хоть что, хоть как, но что же делать, если она счастлива, если так надо, если так хочется, если без этого она уже и не представляет своей жизни. Аня улыбнулась тихой, умиротворенной улыбкой, вместе с физическим отдохновением после всей этой мышинной и обидно-бестолковой беготни пришло на душу успокоение, хотя в иные минуты, когда она как бы вдруг сознавала, в какие же мгновения ей бывало покойно и светло на душе, ей становилось страшно от собственной жестокой беспамятности, что ли, от того, что она способна ощущать счастье и радость даже тогда, когда у нее, в сущности,

такое большое горе. Жизнь в ней была сильнее, чем смерть матери, и вместо того, чтобы представлять жестокой смерть, Аня представляла жестокой себя и свою жизнь. Но в конце концов все эти мысли мешались в голове, в них просто не было ни выхода, ни облегчения, и сердце ее, отяжеленное счастьем скорого материнства, окатывалось волнами все же глубоко отрадного волнения.

С шумом хлопнула входная дверь. Аня вздрогнула, всполошилась, услышав голоса; быстро запахнула на животе халат и, невольно охнув, с усилием привстала на диване. И в этот момент, когда она, сидя на диване, нащупывала ногами тапочки, а руками, как от боли, обхватила крест-накрест живот, но не от боли, а просто для удобства, в комнату влетел Кольша, а за ним вошла Лида.

– Вот, Анют, Лидуха тебе сейчас все растолкует!

– Здравствуй, Лида, – улыбнулась Аня.

– Да сиди ты, сиди, – обеспокоенно и быстро заговорила Лида, – вот еще, гостя нашлась, чтоб из-за меня вставать. – И как бы с завистью, нараспев добавила: – Ань, а тебе идее-ет!.. – И приложила ладошки-лодочки к своим щекам: – Ты така-ая-я... дородная, как булка! Честное слово! – Лида звонка рассмеялась, и смех ее был приятен, как весна, которая стояла сейчас на дворе – и там и тут чувствовалась свежесть, беззаботность, звончатость.

– Я все уже знаю! – затараторила Лида. – Слушай, только так: когда пойдешь к директору, обо мне ни слова. Обо мне

вообще никому ни-ни... поняла? Потому что, если узнают, тогда делу какую... короче, когда придешь, главное, чтоб он тебе резолюцию черкнул: мол, не согласен там или категорически возражаю, поняла? А то все эти заявления в суд будут как слону дробинка. Надо, главное, чтобы основание было...

— Ну да, он тоже мне сказал... говорит, а какое у вас, собственно, основание?

— Во-от! — весело подхватила Лида. — Правильно! Они-то вам морочат тут голову, а вы без подписей слабаки против них... у вас и заявление-то в суд не примут. Что ты! Они тут все знают, им главное — квартиру заполучить, а там хоть трава не расти. Завод расширяется, жилплощади не хватает, а ваша квартира — пустует. Почему бы ее не забрать. Правильно они рассуждают?

— А что ж правильного, если несправедливо? — возмутился Польша.

— Это другой вопрос, совсем другой вопрос, Коленька, — как учительница ученику снисходительно сказала Лида. — Вот представь сам. К нам в юрисконсультацию завода идут без конца люди. А по какому вопросу? На девяносто процентов с жильем. И завод, конечно, всеми способами изыскивает площадь. А с такими, как вы, которые, по существу, не живут в поселке, у нас одна задача — поскорей разделаться. Вы как балласт для нас.

— Понятно, — усмехнулся Кольша.

— И учти, Ань, обо мне ни слова, нигде, — снова забеспо-

коилась Лида. — А то получается, я против своего завода пошла.

— Не против завода, а за справедливость, — вставил Кольша.

— Ишь какой борец за справедливость нашелся! — всплеснула руками Лида. — Скажи спасибо, по старой дружбе решила помочь... А то заладил— справедливость, справедливость...

— Ладно, ладно... — Кольша подошел к Ане, подхватил ее под руку и, помогая встать, повернулся вполоборота к Лиде: — Вам тут дай волю, вы все законы на свое местничество перевернете. И еще гордиться будете.

— И будем.

— Во-во, — усмехнулся Кольша. — А забыла, как в школе клялась: до конца, до смерти... за правду, за честность.

— А это и есть, Кольша, до конца, до смерти... Только тут правда жизненная, человеческая, а не придуманная за школьными партами. Тут, Коленька, жизнь.

— Да, недаром тебя в консультации держат да нахваливают. Ты же настоящий патриот завода!

— Спасибо. — Лида деланно-шутливо поклонилась и вдруг весело, легко рассмеялась. — Ну, пошли, что ли? Вы к директору, а я...

Втроем они вышли на улицу, и так на них пахло весной, талым снегом, ласковым теплом солнца!

Директор завода, прочитав заявление, даже и разговаривать не стал.

– Я этими вопросами не занимаюсь. Зайдите к моему заместителю по быту.

– Но я... – начала было Аня.

– Я вам еще раз повторяю, этими вопросами занимается мой заместитель Глебов. Всего хорошего, девушка.

– Но он...

Директор нажал на кнопку, вошла секретарша.

– Следующий, пожалуйста, – сказал директор.

Секретарша, кивнув, вышла; Аня, посидев две-три секунды в замешательстве, забрала со стола заявление и, тяжело переваливаясь, хотя и стараясь скрыть это, направилась к выходу.

– Ну что? – спросил Кольша.

– К заместителю послал.

– Но ты ему сказала, что ты...

– И слушать не хочет.

– Ты бы ему...

– «Ты бы, ты бы»... Говорю тебе, не слушает, послал к заместителю. Девушка, а где тут у вас Глебов сидит? – спросила Аня у секретарши.

– В конце коридора направо. Вторая дверь.

– Спасибо. А как его зовут, не скажете?

– Кого? Глебова? Сергей Сергеевич.

Сергей Сергеевич Глебов принял их, прочитал внима-

тельно заявление. Взглянул на Аню. Перечитал заявление еще раз.

– Не могу подписать, – сказал спокойно.

– Тогда поставьте свою резолюцию. – Кольша привстал и напористо указал пальцем: – Вот здесь.

Глебов улыбнулся. У него была хорошая, добрая улыбка и какие-то неожиданно грустные глаза.

– Наверное, считаете нас страшными бюрократами? – продолжал улыбаться Глебов и одновременно как-то задумчиво посматривал в окно.

– А уж это наше дело, кем мы вас считаем. – Кольша и не думал принимать игру Глебова в вежливые улыбочки-ухмылочки.

– Ответьте мне на один вопрос. Только откровенно. – Глебов посмотрел Ане в глаза. – Разве вы вернетесь в поселок после окончания техникума?

– А вот это и вовсе наше дело, – опередил Аню Кольша. – Ваше дело – отказать нам или подписать заявление. Вот так.

– Ну а все-таки, Анна Борисовна?

Аня слегка покраснела, услышав свое отчество, непривычно показалось.

– Я... согласна со своим супругом. Квартира наша, и нам нужен ордер. А все остальное только разговоры...

– Та-ак... – протянул, как бы взвешивая что-то, Глебов. – Ну, хорошо... давайте просто поговорим.

– Странно, мы к вам с заявлением, вы к нам с разговора-

ми, – не выдержал Кольша. – Вы бы лучше резолюцию поставили, вот здесь. Да, да...

Глебов посмотрел на Кольшу долгим пристальным взглядом, и в этом взгляде было больше раздумия, чем укоризны или неодобрения.

– Поставлю, поставлю, молодой человек, не беспокойтесь. Только вот поговорить с вами мне все-таки хочется. И вот почему.

Но ни Аня, ни Кольша не откликнулись ни единым движением на это «почему», в кабинете на какое-то время повисла тишина.

– И вот почему... – задумчиво повторил Глебов. – Конечно, я понимаю, Анна Борисовна, у вас большое горе, умерла мать. Я вам глубоко, искренне сочувствую. – При этих словах губы у Кольши иронически растянулись. – И поверьте, я говорю искренне, – продолжал Глебов. – Но... жизнь есть жизнь. Разве на так?

Как-то непонятно было, нужно ли и можно ли отвечать на такой вопрос, так что в кабинете опять повисло молчание.

– Вы и сами пришли сюда именно поэтому. Потому что жизнь – это жизнь. Только так... – Глебов многозначительно обвел их взглядом. – А теперь взгляните на это дело другими глазами. Вы оба студенты, учитесь в техникуме. И для нас важно, вернетесь ли вы сюда, к нам в поселок? Спору нет, вы оба вписаны в ордер, и вы, Анна Борисовна, вправе претендовать на то, чтобы ордер был переписан на ваше имя.

Но... И вот здесь начинаются «но». Квартира у вас какая? Трехкомнатная. Площадь? Тридцать три и семь десятых метра. А семья у вас? Два человека. Вы просто не имеете права вдвоем занимать такую огромную площадь. Кроме того, вы учитеесь. Живете не у нас, а в Свердловске. Значит, здесь впустую пропадает не только жилье, но и приусадебный участок, огород, сад, сарай, сеновал, конюшня. Заметьте, для нашего заводского поселка это немаловажное обстоятельство – свой огород, свой сад. Поэтому что мы вам предлагаем? Мы предлагаем вам отдельную двухкомнатную квартиру со всеми удобствами. Взамен вашей. В новом микрорайоне. Чем вас не устраивает такой вариант?

– Скажите пожалуйста! – возмущенно привскочил со стула Кольша. – Мы что сюда, торговаться пришли?! Или вы думаете, что нас можно, как пятилетних, уговорить на что угодно? А вообще-то здорово вы тут сработались... Вы хоть знаете, что нам сначала предлагал ваш Шляпкин?

– Кто?

– Шляпкин... Фу, черт, не Шляпкин, а этот, как его... начальник ЖЭКа... Шляпников!

Глебов вдруг от души, весело рассмеялся:

– А, Шляпников! Фрол Данилыч! Ну и что же, что?

– А то, что когда у Анюты мать умерла, он уже на третий день тут как тут с дурацким своим предписанием – на основании того-то и того-то вы обязаны в двухдневный срок освободить квартиру и занять комнату по улице Розы Люк-

сембург.

– Неужели? – смеялся Глебов.

– А вы будто не знаете? – язвительно усмехнулся Кольша. – Он, видно, совсем из ума выжил, этот ваш Шляпников! Ведь полнейший болван, а вы его держите... почему? Да потому, что вам выгодно негодяя под руками держать: чуть что – можно все на него свалить.

– Шляпников, конечно, человек с... замашками недалеко-го прошлого, но что поделаешь, – перестал смеяться Глебов и даже вздохнул, – пока ему нет замены. Никто почему-то не соглашается работать на его месте.

– И, значит, ему можно делать все что угодно? Так любую незаконность и подлость можно оправдать его гадким и вздорным характером, его холуйскими склонностями! Я ему показал комнату!.. Взял его за шиворот и выбросил из квартиры. И что же? Через два дня притащился с маслеными своими глазами, оказывается, ошибся... не комната нам положена, а однокомнатная квартира. На той же самой улице, Розы Люксембург. Вот подлец!

– Ну, это уж вы слишком... – Глебов смотрел на Кольшу немного странным взглядом: то ли восхищался его безрас-судной откровенностью, то ли жалел его за эту, в общем-то, не всегда безопасную смелость характера.

– А чего слишком-то? – не унимался Кольша. – Вот смотрите, сегодня пришли – а вы уже, оказывается, двухкомнат-ную предлагаете. Наши акции повысились. Разве не интерес-

но? Это же настоящий торг идет, да торг-то – фальшивый.

– Фальшивый?

– Фальшивый. Потому что, во-первых, нас не двое, а трое. Справочка такая имеется от врача. Видите Анюту? Во-вторых, зачем же нам двухкомнатная, когда нам по закону принадлежит трехкомнатная? И, значит, дел-то всего – переписать ордер с матери на дочь. Только и всего. А что там сад, огород или что мы учимся, тут никому никакого дела быть не может. Мы чужого не просим, а вот свое у нас отобрать хотят. Причем незаконно.

– А площадь вам такую, между прочим, иметь не положено, – улыбнулся Глебов. – Даже и на троих. Тридцать четыре почти метра – это уж слишком, вы не находите? Придется подселять жильцов. И где вам будет лучше – в трехкомнатной с жильцом или в двухкомнатной отдельно?

– Нам, Сергей Сергеевич, будет хорошо в своей трехкомнатной, без всяких жильцов притом. Девять на три умножьте – сколько будет? Двадцать семь. Сколько остается? Шесть и семь десятых метра. А закон-то знаете? Если излишки меньше нормы на одного человека – за них просто дополнительно платить полагается, для подселения-то метров недостаточно. Знаете такой закон?

– Вы, я вижу, народ действительно грамотный, – продолжал улыбаться Глебов. – Это приятно. Честное слово, приятно иметь дело с людьми знающими. Но скажите все-таки откровенно – зачем вам, молодым людям, такая огром-

ная квартира? С садом, с огородом, с сараем, с сеновалом? Неужели вы намерены возиться в огороде? Неужели будете пользоваться ну хоть сеновалом? А?

– А это, Сергей Сергеевич, как уж наша жизнь сложится. Все может быть. Вам ведь главное что? Вам не надо грех на душу брать, нужно наложить справедливую резолюцию – «не возражаю».

– Нет, не могу подписать, – с тем же спокойствием, с каким в первый раз сказал об этом, повторил Глебов, просто-вато и хитро улыбаясь-усмехаясь как бы даже и над самим собой.

– Почему? – Кольша смотрел на Глебова уничтожающим взглядом.

– Не имею права.

– Не имеете права справедливо поступить?

– Не имею права нарушать наши порядки.

– Что же это за порядки, если они заранее противоречат закону?

– Закону они не противоречат. Если мы неправильно поступим, закон нас поправит, но обижать заранее рабочих завода – не в наших правилах.

– Ага. Значит, чтобы обеспечить жильем рабочих, вы не жилищное строительство расширяете, а незаконно выживаете из квартир ненужных вам людей, ну хоть нас, «бедных» студентов?

Глебов рассмеялся, как-то радостно, одобрительно пока-

чивая головой:

– Мы и строительство расширяем, и изыскиваем все другие возможные пути. Вас же не на улицу выгоняют, вам предлагают отличный вариант. Вариант, кстати, который должен вас устраивать по всем статьям.

– Ни по одной статье он нас не устраивает, – жестко ответил Кольша.

– Ну, что же... – Глебов спокойно протянул руку к заявлению, снял колпачок с авторучки. – Вот здесь я вам пишу свою резолюцию: «По существу заявления отказать. Взамен трехкомнатного особняка обеспечить немедленно двухкомнатной квартирой со всеми удобствами. Зам. директора Глебов». Пожалуйста, – и протянул Ане заявление.

На лице у Ани проступили блекло-желтые пятна.

– Теперь вы отправитесь в суд? – Глебов смотрел на них с легким подтруниванием.

– Конечно! – выпалил Кольша.

– Желаю успеха, – улыбнулся Глебов, и бесконечная его улыбочка и доброта ровного, спокойного тона действовали сейчас раздражающе.

– До свиданья!

– Знаете что... – вдруг сказал Глебов задумчиво, когда они уже встали и хотели уходить. – А ведь я, Анна Борисовна, очень хорошо знал вашего отца.

Эти совсем неожиданные для Ани слова с какой-то особой болью и обидой отозвались в ее душе, она ослабленно

опустилась на краешек стула, верхняя губа у нее задрожала, а глаза налились тонкой слезной пленкой.

– И даже больше, – с грустью протянул Глебов, – когда-то я учился у вашего отца, в ремесленном училище. Человек он был... редкий был человек!

Это уж совсем с трудом слушалось Аней, горячая волна обиды, обиды непонятно на что и из-за чего, поднялась со дна души. Одно было хорошо – Глебов продолжал говорить, и эти минуты его задумчивого, тихого говора словно специально давали ей время на передышку. Кольша стоял в дверях, недоверчиво глядя на Глебова.

– Вы тогда, после войны, только-только из Свердловска приехали: Борис Аркадьевич, мама ваша, Нина Васильевна, и вы, Аня, тогда еще во-о-от такая... – показал рукой Глебов, и грустные его глаза осветились мягким светом. – В Свердловске Борис Аркадьевич в чем-то проштрафился, уж не знаю в чем, и приехал к нам. Учителем в школе отказался, пришел в ремесленное. Преподавал нам математику, историю и труд. Вот какое сочетание! – Глебов радостно, с какими-то тайно-горделивыми нотками в голосе рассмеялся. – Подзывает меня раз к себе: «Серег, – говорит, – ты мне вот что скажи, доволен ты своей жизнью или нет?» – и смотрит на меня серьезно так, будто я не пацан, а ровня ему. Я рот-то открыл, а сказать ничего не получается. – Глебов снова рассмеялся. – «Вот то-то и оно, – говорит Борис Аркадьевич и вздыхает при этом, – трудно на такой вопрос от-

ветить. Самый трудный вопрос в жизни». Не знаю почему, но это я запомнил крепко, а многое другое, конечно, забыл. Вот такие дела...

– Ну, мы пойдем... – тихо сказала Аня.

– Да, – сказал Глебов, – я тут с воспоминаниями своими... не ко времени. Хотя, знаете, Анна, не сейчас, так когда еще вы сможете слышать эти слова об отце? К сожалению, все мы смертны. А любили мы его очень искренне.

– До свиданья, – как-то почти шепотом проговорила Аня.

– До свиданья! – с прежней жесткостью поддержал ее и Кольша.

– Ну что ж... – развел руками Глебов. – Не поймете – обидитесь, поймете – вам от этого тоже не легче. Довольными в жизни никто не бывает. Ваш отец хорошо мне это объяснил. До свиданья!

Кольша с шумом захлопнул за собой дверь.

– Тоже мне, бюрократствующий лирик! – со злобой вырвалось у него.

– Не надо... – Аня подняла на него умоляющие глаза.

Через день Аня отвезла документы в суд. Домой возвращалась пешком; то ли от пережитых волнений, то ли просто от усталости чувствовала себя худо. Тянуло низ живота, ломало поясницу, а иногда так стреляло в левом боку, что приходилось останавливаться, хватать ртом воздух. Скорей всего, где-нибудь прохватило сквозняком, весна – она коварная. А на автобусе ехать – еще бы хуже было, трясет на ухабах –

живот девать некуда. Да и вообще муторно на душе, что ни говори, а жизнь устроена жестоко: о справках разговоры, о метрах, о законах и беззаконии, а мамы... мамы – живой – как будто и не было никогда, она так – приложение к справкам и выпискам. И сама поневоле начинаешь вдруг думать о ней как-то вскользь, мимоходом, постольку-поскольку. А на самом деле...

Резко вступило в левом боку, Аня, охнув, остановилась, припала на левую ногу и досадливо сморщилась. Кое-кто из прохожих остановился: «Вам плохо?» – «Нет, нет, ничего...» – сквозь боль смущенно улыбалась Аня, показывая рукой: проходите, мол, проходите, это я так... На улице, среди совершенно незнакомых тебе людей, всегда почему-то находится доброжелательность, участие, – как все-таки чувствителен, почти сентиментален русский прохожий; будь он уверен, что о нем думают сейчас как дома, воспринимают его разом, вместе с его слабостями – ни за что бы не отважился на участие, твердо зная, что ему просто-напросто не поверят. Да, улица для русского человека, как и поезд, как и дом отдыха, как любое общественное место, – это арена для проявления рыцарства, по которому постоянно тоскует сентиментальная душа. А коснись конкретного дела, зайди в конкретный кабинет, обратись за конкретной правдой – и покатилося колесо... «Нет, нет, ничего...» – продолжала сквозь боль сморщенно и жалобно улыбаться Аня, и прохожие нехотя, не сразу проходили мимо, оглядывались. Ми-

лые прохожие, они искренне готовы сейчас к рыцарству, и не стоит иронически относиться к ним только потому, что... у тебя горе и тебе плохо, но это еще не причина не доверять людям, а тем более – озлобляться.

Аня пошла потихоньку дальше. На ней была голубая вязаная шапочка и темно-зеленое в черную крапинку пальто; сзади, если бы не явно ощущаемая походка вразвалку, ее можно было бы даже принять за школьницу. А спереди... да и спереди она была слишком еще молода на вид, и живот ее, хотя и большой, но ладнокруглый, даже подчеркивал ее юность. Она и вообще-то была молода, но как бы познала одновременно и горечь жизни, тем более что давно уже потеряла отца, а теперь – еще и мать...

Почему она так хочет, чтобы квартира отца и матери осталась за ней? Это было даже не желание, это, скорей всего, проснулся в ней странный суеверный страх... Страх чего, о чем? Как трудно было самой понять это, осознать. Вот пришло, оказывается, такое время, когда еще одно маленькое усилие сторонних людей – и она останется без того, что совсем недавно было всей ее жизнью. Всей жизнью? Ну а чем же иным? Ведь не лицемерие же это? Не ложь? Когда она думала о самой квартире, ей было почти все равно, какая это квартира – трехкомнатная, или двухкомнатная, или еще какая-то, просто это было то единственное место на свете, где она росла, где выросла, где стала взрослой и где, кажется, каждая вещь, каждый уголок дышат ее детством. Она была

не крестьянской дочерью и не была дочерью рабочих, отец всю жизнь учительствовал, а мать то совсем не работала, а то вдруг от тоски, от чувства гнетущего неудовлетворения жизнью вспоминала, что она по образованию химик, устраивалась на завод в химлабораторию и работала, пока ей это не надоедало, — ее всегда угнетало однообразие. Так вот, Аня была дочерью не крестьян, не рабочих, но земля... земля, которая во взрослой юности была для нее огородом и садом, а в раннем детстве — еще и так называемым «дальним огородом» с обязательной делянкой в сосновом красногорском лесу или в березовой кособродской чаще, — земля вообще... эта земля была для нее чем-то таким, что нельзя было забрать у нее безболезненно, предложив взамен современную квартиру со всеми удобствами. Когда она глубоко задумывалась об этом, ей даже страшно становилось: ведь может так случиться, что у нее не останется не то что там квартиры или огорода, а не останется места, полного живой памяти об отце, матери и памяти о ее собственной жизни вплоть до теперешней секунды. Это было страшно! Как бы правильно ни рассуждал хотя бы тот же Глебов о всех его заботах-перезаботах о рабочих завода, — куда же ей-то деваться со всей своей жизнью, полной личного глубокого значения и смысла? И главное: это мучительно-живое чувство сидело в ней так вязко и проявлялось с такой подспудной силой, что для нее не имело значения даже и то, будет или не будет она в конце-концов жить здесь и работать. Ей просто как бы заранее хотелось

оградить это место от всех посягательств, а там будь что будет, – лишь бы на земле был уголок, куда, как теперь она почувствовала, должен тянуться человек, чтобы ощущать себя не безродным, не сиротой. И весь вихрь этих мыслей-чувств проносился в ней каждый раз как напасть; она только и делала, что думала об одном и том же, пока в конце концов какое-нибудь звено не выпадало из общей цепи мыслей и сама цепь катастрофически не рассыпалась, как распадается в калейдоскопе разноцветье камушков.

– Девушка, вам плохо?

– Что? Нет, нет, ничего. Это у меня так, бывает...

– Сына, дочь ждете?

– Сына, – улыбнулась Аня.

– Мы вот тоже сына ждали, а родилась дочь. Жена говорит: бракодел ты, – мужчина рассмеялся. – Хитра-а-я-я...

– Ага. Сама виновата, а на вас валит, – поддержала Аня. – Ой! – И вдруг снова невольно схватила за поясницу. – Стреляет...

– Видать, уж скоро, – посочувствовал прохожий. – А имя-то придумали?

– Чего-чего, а имя-то давно готово. Алексей Николаевич, Алешка.

– В честь деда, что ли?

– Нет, так просто. Нравится обоим.

– Ага. Ясно. Ну, счастливо богатеть! – И прохожий свернул в свою сторону.

– Спасибо, – снова от души улыбнулась Аня.

Насчет Алешки они решили давно. А в самом деле – откуда? Уж и не вспомнишь. Верней, было так: перебирали, перебирали разные имена, и как-то само собой вышло – остановились на Алешке, а потом немного посмеялись: имя-то придумали, а вдруг девочка родится? Хотя, если уж всерьез, очень хотелось Кольше мальчика. А ей все равно, мальчика – так мальчика, девочку – значит, девочку.

Аня шла и даже подзабыла о своих болях, улыбаясь своим мыслям. Счастливая все-таки пора ожидает малыша – детство... Как бы она тоже хотела вернуться в детство хотя бы на минуту! Что вспоминается слаще всего? Весенняя суматошная беготня домашних, мама подает из подполья картошку, папа грузит ее в мешки и укладывает на телеге. Чернуха, приведенная с конного двора, настороженно косит темно-глубоким, как дыра, глазом, фырчит и дрожит, в нетерпении перебирая ногами, а ты стоишь в сторонке, сжавшись в комок, и смотришь на нее восхищенно-испуганно, как на чудо. Потом отец садится на телегу, а ты устраиваешься рядом, забираешься повыше на мешки и только и думаешь, как бы не кувыркнуться с груженной телеги вниз. Отец, понукая Чернуху, поглядывает на тебя развеселым таким, редким для него взглядом, бормочет какую-то мелодию. Пахнет терпким лошадиным потом, назёмом и сладким отцовским табаком, которым он набивает «козью ножку» и упоённо дымит, время от времени оборачиваясь к тебе с подми-

гом: «Ну что, Нюш, едем, да? Едем, едем...» – отвечает сам себе и смеется. Она помнила этот его счастливый смех, как будто слышала его сейчас наяву, и сердце ее страдальчески сжималось от безмерной любви к отцу, перед которым она поныне чувствовала себя в непонятно отчего так остро ощущаемом, неоплатном долгу. Дед, папин отец, тоже не был крестьянином, почти всю жизнь проработал подёнщиком на бывших демидовских заводах, и все же папа любил временную крестьянскую жизнь с ее заботами о земле, о крове, о хлебе насущном... Так ли уж нужна ему была картошка? Конечно, была нужна, особенно в послевоенные голодные годы, но главным для него было все же состояние взбодрённой и тревожащей радости, которую он переживал весной, когда страстно увлекался огородом, или летом, когда неделями пропадал на делянке, сам заготавливая на зиму дрова. В такие часы он часто мечтал о сыне, не раз подмигивал Ане: «Что, Нюш, неплохо бы тебе братца заиметь, а? Алешку какого-нибудь? Помощника нам?..» Боже, как же это она забыла! Вон, оказывается, откуда Алешка взялся, это ведь папа, папа когда-то все говорил об Алешке... Сердце у Ани совсем растревожилось, как-то никогда раньше она вот так явственно не вспоминала отцовские слова, там, на делянке, а выходит... это она надоумила Кольшу назвать сына Алешкой? Честное слово, не могла теперь вспомнить! А наверное, именно так, иначе откуда это совпадение? Аня даже улыбнулась, таким это показалось сейчас значительным и хорошим.

Да, говорил, и не раз говорил отец: «Что, Нюш, неплохо бы нам братца заиметь, Алешку какого-нибудь, а?» И как она могла забыть об этом... Отец мечтал о сыне... значит, чего-то ему не хватало в жизни? Чего? Как странно говорил о нем Глебов... А ей отец всегда казался таким сильным, здоровым, веселым. Что-то безвозвратно ушло со смертью отца и матери, их больше нет, но есть хоть это... весенний день, ухабистая дорога, телега, мешки с картошкой, Чернуха, косящая сердитым бездонным глазом, и запах душистого табака, который до конца дней будет для нее острым напоминанием об отце...

Аня остановилась, отдышалась немного. Всегда вот так – чуть задумается, замечтается, ноги уже понесли сами собой. Ходьба разгорячила ее, в поясницу больше не стреляло, бока не ныли, и это было такое приятное ощущение – чувствовать себя здоровой. Правильно она сделала, что не поехала на автобусе, а пошла из суда пешком. Пусть они хоть лопнут все, а квартиру она не отдаст. Ее это квартира. Ее. И огород. И сад. Тут вся жизнь... Аня снова улыбнулась, вспомнив, как на огороде, когда они приезжали на место, отец разрешал ей босой бегать по вскопанной, уже слегка покрывшейся пепельной пленкой-корочкой земле. Ноги мягко проваливались в прохладную глубину и тут же бежали дальше, ступали на горячую пепельную корочку и снова проваливались; и так вживе вспомнилось теперь это ощущение: прохладно – горячо, горячо – прохладно. Да, сколько было в этом радости,

как звонко-звончато она смеялась, а отец глядел на нее со стороны, улыбался и дымил сигаркой; и запомнилось почему-то солнце, яркий круг его, плывущий по-над лесом... ведь дальний огород их был в лесу, в сосновом бору.

Ну вот и магазин; свернуть за угол – и там уже их улица... Аня решила купить что-нибудь на вечер, да и бутылку вина можно прихватить. Сегодня обещала заглянуть Лида, свекровь придет, вот и случай отметить будущую удачу; а что все будет удачно, после встречи с судьей она не сомневалась. Не будь Лиды, тяжело было бы пришлось, законов – их много, попробуй разберись в них сама. А Лида быстро им все объяснила. Теперь все будет в порядке.

Аня купила сыру, колбасы, трески (чтоб быстро поджарить и на стол), бутылку портвейна. И потихоньку отправилась домой.

Ворота были распахнуты – значит, Кольша уже вернулся из Свердловска. Правильно или нет, но они решили, что ей лучше взять сейчас академический отпуск; Кольша и поехал оформлять документы. В самом деле, ребенка нужно поднять на ноги. Да и с квартирой как раз все уладится. А Кольша пока будет работать и учиться. Другого выхода не было.

Войдя в сенцы, Аня расслышала в квартире какую-то глухую возню. Распахнула дверь в большую комнату. Как раз в эту секунду, на ее глазах, Лида вlepила Кольше смачную оплеуху; сумка выпала из Аниных рук.

– Э-эх, Анька-а... смотреть тебе надо за своим дураком!

Смотре-еть!.. – с болью, протяжно и в то же время злобно, охрипшим шепотом проговорила Лида, укоризненно и насмешливо покачав головой.

– Как же... – вырвалось у Ани.

– Да это ничего, это я так! – быстро и фальшиво-весело заговорил Кольша, потирая рукой густо краснеющую щеку.

– Вот же мужичье! – с восхищенной брезгливостью сказала Лида. – Его на месте преступления застали, а он – «ничего, ничего, это я так...» – Лида схватила со стола свою сумочку. – Извини меня, Ань. Но... от кого, от кого, а от него никак не ожидала. Извини! – И хлопнула входной дверью.

Аня, закрыв глаза, стояла, прислонившись к косяку; сумка с продуктами тяжело давила ей на ноги, но она ничего не замечала...

– Анют... я... я не знаю... это я так... выпил малость на радостях... ну, и измучился просто... а так, ты же знаешь, я никогда... никогда...

...К вечеру Ане как-то трудно стало дышать; она лежала на диване, ни сердце, ни душа у нее не болели, наоборот, какое-то странное безразличие ко всему на свете растеклось в ней, как яд, и она бы, может, даже чувствовала сейчас отдохновение от всех своих тревог, потому что они вдруг разом оставили ее, если б не это – дыхание; дыхание вдруг стало даваться с трудом. Сначала ей просто хотелось вздохнуть поглубже, попрочувствованней, а потом как будто принялось давить на грудь, хотелось руками располоснуть рубаху, та-

ким гнетом казалась даже рубашка, и Аня начала потихоньку захлипывать в себя воздух, как бы процеживая его сквозь зубы. Глаза у нее были закрыты, веки почернели, глазницы, особенно у переносья, провалились, на лбу выступили поблескивающие капельки пота. Ничего она уже не помнила и не хотела ни помнить, ни знать, не было и ненависти, презрения тоже не было, даже в первые секунды и минуты эти как будто обязанные появиться в ней чувства так и не появились, а просто поначалу было непонимание, неуяснение, а затем – обида, обида почти как у маленькой девочки, у которой была самая красивая, самая любимая игрушка, а ее вдруг на глазах отобрали и не просто выбросили, а раздолбали молотком вдребезги; была обида... а потом и обида как-то отошла прочь, исчезла, захотелось тишины, покоя, только покоя... Кольша – как странно – что-то говорил, говорил, говорил, а ей все на свете было уже безразлично, какое ей дело... вот бы только тишины и покоя, и долго-долго лежать с закрытыми глазами...

...И вдруг как-то сильно, жестко начало тянуть низ живота, живот затвердел, как камень, а поясницу словно тянули в двадцать жил – так она расстоналась и разнылась. «Аня, Аню-ша...» – слышала она, открывала глаза, но пот, стекающий со лба, мешал смотреть и видеть; как в тумане, плыло чье-то лицо, Аня напряглась, хотела понять и не понимала, откуда взялась здесь Александра Петровна, Кольшина мать, не понимала, но обрадовалась, застонала: «Мама... поясни-

ца, поясница...» — «Ты дыши, дыши, милая...» — шептала старуха, суетливо подкладывая под Анину поясницу подушки и подушечки, и в слезном тумане виделось ее морщинистое простое лицо, горящие состраданием глаза. Аня стала протяжно, глухо стонать, стараясь поначалу сдерживать себя, но боли в пояснице и в животе были такие резкие, что никаких сил уже не хватало бороться с ними, Аня стонала и протяжно вздыхала, иногда чуть приподымая голову над подушкой, стараясь немного, но привстать, чтоб хоть на секунду облегчить боли. А потом она уже ничего не слышала и не понимала, просто стонала, все протяжней, все голосистей, а что Александра Петровна грубо закричала на Кольшу, чтоб мчался за «скорой помощью», этого она уже тоже не слышала. И только когда наконец ее подняли с дивана и понесли в машину, она почувствовала, что это все к какому-то облегчению, так нужно, так надо, ей стало получше, она забылась, хотя и продолжала стонать долгим, протяжным стоном...

...Алешку она родила семимесячным.

Глава четвертая

– Вы понимаете, самая главная задача сейчас, – Марья Ивановна подошла к доске и жирной меловой чертой перечеркнула написанный пример, – чтобы дети научились думать. А они, надо сказать, очень хитрые. И думать хотят не все. А что же они делают? Они просто-напросто автоматически копируют ход решения. Чуть только измени условия задачи – и они в тупике. Ну, например...

Петровна сидела за третьей партой, на месте, где обычно занимался Алешка, и напряженно следила за движениями учительницы. Что бы ни сделала Марья Ивановна, какое бы слово ни сказала, все казалось старухе необычайно значительным и важным. И хотя она почти ничего не понимала и всякий раз с затаенным, почти с детским страхом переживала, как бы учительница не посчитала ее вовсе никуда не годной для жизни с Алешкой, она все же сердцем доходила до сути, улавливала ее чутьем. Без счета раз пытался Алешка перехитрить бабку, а она все же ловила его на нужном месте, он, к примеру: «И тут, значит, бабушка, я складываю, а потом вычитаю, и получается десять вишен», а она уж начеку: «Как же ты складаешь-то, когда вовсе тебе не известно, сколь там вишен в саду осталось? Ты мне не мудри смотри, а ну-к раскинь мозгами да отвечай, как того по книжке требуется». Смотрит, верно, что Алешка схитрил, решить-то

решил, а что к чему – понятия нету, как в классе, так и дома переписал. Верно Марья Ивановна говорит: это в них есть, в чертенятах, – хитрость, а вот охоты мозгами шевелить – на тетрадки не хватает, а на проказы, пожалуй, что и лишку. Чуть только не досмотрела за ним – как ветра ищи в поле, ни сладу никакого, ни уговору. И когда теперь Петровна слушала Марию Ивановну, она ой как душевно ее понимала и каждый раз сочувственно переживала за нее, потому как Алешек таких у нее сорок три головы.

– И еще одно, товарищи родители. Сейчас весна, детям хочется побольше бегать на улице, снижается их работоспособность. А год на исходе, не успели оглянуться, а уж кончается второе полугодие. Давно ли, кажется, они пришли сюда в первый раз? – Мария Ивановна улыбнулась, и родители радостно, оживленно ответили на ее улыбку гулом. – Так вот, нужно, чтобы во второй класс они пришли с хорошими навыками чтения. Не забывайте заставлять ребят как можно больше читать вслух. Пришел с улицы – «Вова, почитай нам вслух»; готовится ко сну – «Сережа, прочитай вот этот рассказ»; собрался гулять – «А ну-ка, как ты научился читать вслух?» Понятно, товарищи? – Родители одобрительно, понимающе загудели. – Все свободны. Александра Петровна, а вас прошу остаться на минутку.

Не сразу родители оставили Марию Ивановну с Петровной вдвоем, еще подходили к учительнице, спрашивали, жаловались, просили, интересовались, подобострастничали,

умоляли обратить особое внимание... и для всех Мария Ивановна находила нужный тон, единственное слово. Когда наконец все разошлись, Мария Ивановна с улыбкой вздохнула:

– Горе с этими родителями...

– Да уж это, конечно... нелегко, – поддержала охотно Петровна.

– А вот без помощи родителей школа теперь никуда. Особенно в первом классе, – серьезно сказала Мария Ивановна. – Новая программа очень насыщенная. Детям нужна постоянная практическая помощь. В выполнении задания. В разъяснении непонятных или сложных вопросов.

– Вот и я говорю... тяжело нам с Алешкой.

– Кстати, я хотела вас спросить, только не обижайтесь... Мать Алеши не собирается домой?

– Только того и ждем обоим. Уж Алешка все глаза проглядел, в окно глядячи.

– Вы понимаете, Александра Петровна... как бы это вам объяснить... – Учительница некоторое время грустно-сосредоточенно помолчала. – Меня вот что беспокоит в вашем внуке... не знаю, замечали вы это или нет...

– А што такое-то?

– Есть в нем, понимаете ли, безразличие к жизни, что ли... Или, может, просто я чего-то недопонимаю... Порой мне так и кажется – жить ему неинтересно, скучно. То он вял, рассеян или вдруг так сосредоточенно замкнется в себе

— слова из него не вытянешь...

— Потому и не вытянешь, что больно настырным растет. Иной раз просишь-запросишься, чего там в школе у тебя делается, — сопит знай себе.

— Я не совсем о том, Александра Петровна. Может, ему дома ласки не хватает, доброго слова? Вы только не подумайте, что я обвиняю вас в чем-то, упаси Боже, но, может, за делом да заботой вам иной раз просто некогда обратить на него лишний раз внимание?

— Так это, конечно, сколько времени есть — все на него уходит, может, чего и не так сделаю... Уж не обессудьте, Мария Ивановна.

— Ну вот и хорошо. Будем считать — мы друг друга поняли. А за разговор не обижайтесь. Я давно хотела поговорить с вами об этом. Да все как-то стеснялась, что ли. Думала, как бы плохо не получилось...

Из школы Петровна ушла с саднящей тревогой на душе. Вроде она все поняла в разговоре и вроде что-то скрытное осталось в нем. В первый раз говорила с ней так Мария Ивановна. Вокруг да около, а получается, вроде даже это она, Петровна, виновата в чем-то. Обидно. Или просто слова сами по себе такие — не ухватишь их, не поймешь сразу. А все же остался какой-то осадок...

Дома Петровна первым делом переделалась, накинула вместо жакета фуфайку и поскорей в огород; в руках даже зуд стоял, так хотелось поскорей огородом заняться. Жилистые,

натруженные за жизнь руки слегка дрожали, когда она в сарайке нашла лопату повострей и взялась за черенок. Хорошо б, конечно, подточить малость, да уж как есть. Поддержала в руках лопату, как будто примериваясь к ней, улыбнулась. Нет, надо все же разок-другой пройтись по лезвию, так оно негоже. И даже легче на душе стало, когда решила так. Вернулась в дом, вытащила в кладовке из-под стола инструмент в ящике. Ящик этот, знала она, когда-то Борис Аркадьевич сколотил, Анин отец, тоже вот мастеровой человек жил, любил порядок, основательность. Близко его знать Петровне так и не пришлось, помер раньше времени, а так бы хорошо сейчас с ним на пару в огород выйти, пройтись по первой грядке. Видать, не суждено. Со вздохом и охом вытянула Петровна из ящика точило, пристроилась на крыльце, вжик-жи-ик, вжик-жи-и-ик... то искорка вылетит из-под точила, то блеснет на солнце освежённое лезвие... потеплело сразу на душе. Ничего не надо в жизни, а вот это надо: чтоб немного покопошиться, изладить какое-нито дело. Право, хорошо, что решила подточить, а поленилась бы – совсем другой расклад был бы. Старуха послунявила точило, перевернула лопату – и снова вжик-вжи-ик, вжик-вжи-и-ик... вовсе заблистало лезвие. Подняла лопату, попробовала остроту на палец. Звонкий звук, широк-чирк, чирк-широк... будто воробей весело чирикнул.

Теперь ладно, теперь хорошо. Убрала Петровна инструмент в кладовку, направилась в огород. Был там у нее свой

заветный уголок. Оттуда она и думала копать начать. Это как и в старом доме, который снесли. Дом ей, конечно, ой как жалко, да что поделаешь? Жить уж в нем совсем невмочь было, развалился без хозяина. А вот огород еще жальчей. Потому и здесь ей нравилось, у Ани, — огород привораживал. Ну, и все другое, конечно, тоже неплохо — и вода тут тебе, и отопление, и ванная Алешку искупать, особенно, когда крохой был. Без этого в нынешней жизни хорошего мало, Петровна это понимала. Да и потом, главное: к чему им жить врозь, когда можно вместе? Петровна и держалась этого...

Малинник вокруг огорода она давно уже привела в порядок, сушняк повыдергала, землю подвзрыхлила, тесемки с перевязанных в пучки тычинок, чтоб зимой от снега не надломились, поубирала. Малинники стояли тугие, красно-шелушащиеся, матерые — любо-дорого посмотреть, а рядом свежие, прошлогодние побеги, еще не окрепшие, с зеленцой, с просвечивающей на свету мякотью плоти. Как раз с угла, где она сожгла малинный сушняк, Петровна и начала копать. Лезвие с приятным шипом, без натуги, по самый верхний окрай вошло в землю. Петровна улыбнулась, постояла немного, задержав ногу на лопате. И только потом сделала первый вскоп, перевернула землю, постучала по ней тыльной стороной, с чувством разбивая жирный наземный пласт на мелкие куски. И тут сделала второй закоп, с силой нажала ногой на лопату; земля с вжиком подалась, Петровна споро вывернула пласт наружу и опять разбила его лопатой. Доб-

рая улыбка освещала лицо старухи.

Раз за разом Петровна все дальше продвигалась по гряде, припекало солнце, дул ветерок; старуха расстегнула фуфайку, скинула с седой головы платок...

– А вот простудишься, – услышала она.

Обернулась – махнула левой рукой:

– Нимало! А ну-к помог бы тоже бабке!

– Тебе хорошо. У тебя лопата есть. А у меня никогда ничего нету.

– Будет тебе, будет, – улыбнулась Петровна. – Вот хоть у меня и возьми. Вот эту.

– А сама?

– А сама пойду другую поищу. Иль знаешь што? Дуй-к в сарайку, там за перекладиной лопата торчит, тащи сюда.

Алешка вприпрыжку припустил в сарай, уши на шапке-ушанке в развеселую болтались, в ногах путалась «сабля».

«Герой», – усмехнулась Петровна.

– Вот! – уже бежал обратно Алешка, спотыкаясь, но крепко держа в обеих руках черенок лопаты.

– Ну, теперь давай в обмен. – Петровна подала Алешке свою лопату. – Наперегонки? – подмигнула Петровна.

– Да, тебе хорошо... ты вон уже сколько, а я нисколько.

– Вот еще беда... начнем сначала, вот хоть с той **гряды**.

– Вон с той?

– С той, точно.

– А ты меня и обскакаешь. Ты забыла, что ли? Ты боль-

шая...

– Так у тебя лопата зато повострей.

– Ну тогда ладно, давай...

Они перешли на свежую грядку, встали по разные стороны.

Алешка изо всех сил всадил лопату в землю, поднатужился – лопата еле шла. Сантиметров десять только и сковырнул, а дальше не пускала глубина. Как уж есть, Алешка перевернул пласт и раздолбил его лопатой. Копнул во второй раз, а уж упарился – земля за зиму сильно слежалась, поддавалась с трудом, Петровна смотрит, а помощник ее совсем сник, только виду подавать не хочет.

– А знаешь чего, Алешка! – сказала она, воткнув лопату в землю. – Пожалуй што, и не угнаться нам друг за дружкой.

– Как это? – удивился Алешка.

– А вот гляди-ка... мы с тобой лучше пойдем рядком. По-перву я пойду, а ты за мной. Так оно сподручней выйдет.

– Опять же ты и хитрая...

– А вот ты послушай-ка. Я копнула – а ты землю разбивай. Штоб на мелкие куски. Тогда оно знаешь как быстрехонько вперед уйдем. Всех обставим...

– Ну тогда ладно, давай, – согласился охотно Алешка.

И они пошли друг за другом – Петровна чуть впереди, Алешка следом, а когда она переходила на следующий ряд, Алешка оказывался впереди, это ему нравилось.

– В школе-то, слышь, чего учительница говорит... – между делом обронила Петровна.

– Чего, бабушка?

– Говорит, выросли уж, вон и год на макушке.

– А-а...

– А ты чего молчишь там, в школе-то? Иль што?

– Чего молчу?

– А не разговариваешь ни с кем, выходит. Иль как?

– А если дразнятся? Подросту вот, всем задам!

– Дразнятся? Это как же это?

– А как... «маменькин сынок».

– Чего-о?.. – Старуха даже копать перестала.

– «Маменькин сынок».

– Нашли «маменькиного сынка»! – покачала в возмущении Петровна головой. – Вот уж дурни так дурни. А ты больно слушай их... балбесов!

– А-а, бабушка, я с ними не разговариваю. Чего они понимают?

– И то.

– Я одному и сопатку расквасил! – Рот у Алешки расплылся в широкой улыбке.

Петровна рассмеялась:

– Ну, это уж ты... А это еще кого к нам несет? – насторожилась она, расслышав, как звякнуло кольцо ворот.

Во двор вошел знакомый милиционер.

Петровна медленно воткнула лопату в грядку, отряхнула ладони, застегнула фуфайку, накинула на голову платок.

– Нету там никого! – крикнула с места.

– А-а, вон вы где, – улыбнулся милиционер. – Здравствуй-те! – И приложил руку к козырьку.

– Здравствуйте, – ответила Петровна, медленно подходя к крыльцу; Алешка шел следом.

– Ну что же вы, Александра Петровна, так и продолжаете нарушать паспортный режим? – Милиционер смотрел на нее с улыбкой.

– А уж как не нарушишь, коли не прописывают.

– А вы бы, Александра Петровна, занимали свою законную площадь, вас бы и прописали, как положено.

– Как положено, про то не мне знать, а внучонок мой тут живет, да и я пока што не померла, потому живу при нем.

– Опять вы за свое, Александра Петровна. В который раз я к вам прихожу? И вы все на внука и на сноху уповаете. Где ж она?

– А уж не иначе, как в дороге.

– Все-то она у вас в дороге. Когда ж дома будет?

– А будет. Как приедет, так сразу и будет. Не иначе.

– Ну так вот, Александра Петровна, пока что у нас для вас постановление есть. Разрешите его вручить. – Старшина достал из полевой сумки свернутую вдвое бумагу, протянул старухе. – Распишитесь вот здесь. И получите.

Петровна близоруко сморщилась, подняла к глазам бумагу.

– Что ж за документ такой? Без очков-то не разберу.

– А это, Александра Петровна, штраф вам. За злостное

нарушение режима.

– Штраф?

– Штраф, Александра Петровна.

– Вона чего... Ну коли так, по-иному и быть не может.

Расписаться я должна али, может, мальчонке разрешите?

– Да нет, Александра Петровна, тут должна быть ваша подпись.

– А-а... ну раз так, пойдемте ужо в дом. Очки-то у меня на комоде, не обессудьте.

– Пожалуйста, пожалуйста, Александра Петровна.

В доме старуха нацепила очки-кругляшки, присела к столу.

– Вот и ручка вам, – протянул старшина.

– Спасибо. Та-ак... где ж тут написать-то?

– А вот здесь, Александра Петровна. Вот в этом уголочке.

Петровна приставила перо к бумаге, задумалась.

– А без подписи никак нельзя?

– Никак, Александра Петровна. – Милиционер улыбался.

– И ладно. Думаете, я испугалась?

– Нет, Александра Петровна, я не думаю так. А все-таки штраф есть штраф.

– Ничего. Аня приедет, она заплатит сполна. Сколь платить-то?

– На первый раз тридцать рублей.

– И-и... – протянула Петровна. – А пенсию-то мне и не дают.

– И не дадут, Александра Петровна. Пока не пропишетесь.

– Вот я и говорю, платить пока нечем. Это ничего или как?

– Да нет, Александра Петровна, деньги нужно внести в течение десяти дней.

– Ага. Ну, коли так, по-другому уж не быть.

– Удивляете вы меня, Александра Петровна...

– А чего же расстраиваться, человек хороший? Законы – они не могут быть худые, а потому и слушаюся.

– Это правильно, Александра Петровна. Ну, будьте здоровы. У меня еще много важных дел. До свиданья, малец!

– До свиданья, дядя, – ответил Алешка.

– Ну а теперь давай перекусим малость, – сказала Петровна, когда милиционер вышел. – Проголодался небось?

– Ага, бабушка. Есть охота.

– Ну-ну... – улыбнулась старуха, сняла очки и убрала их подальше на комод.

На стол она накрыла быстро. Разбила тройку яиц на сковороду, пожарила колбасы, компот всегда под рукой, в погребе.

– А в школе ты смотри, – вспомнила старуха недавний разговор, – Марию Ивановну слушайся. А то вон чего... говорят, скушной больно ходишь.

– Какой скушной?

– Такой скушной. Не улыбаешься там, што ли, или еще чего. Не стала уж я рассказывать, что истории всякие придумывать мастак. В том и корень весь.

– Какой корень?

– А такой. У нас вон у дедушки, когда он еще в мальчонках менжевался, дружок был, молчун страшный. А потом чего получилось-то...

– Чего? – Алешка перестал жевать.

– А того, – многозначительно оттопырила большой палец Петровна, – што стал он знаешь кем?

– Кем?

– Вот то-то. Кем... А тем и стал, што ходил к нему народ и про все ему рассказывал.

– А-а...

– Вот тебе и «а-а»... Человек-то знаменит стал. Книжки сочинял.

– Сам?

– А то как же не сам? Сам и именно. Это, говорит, значит, думаешь-думаешь, а посла напишешь...

– Интересно...

– Во-от... Авось и ты вырастешь, просочинишь про свою жизнь. Как вот с бабкой своей жил.

Алешка рассмеялся:

– Скажешь тоже...

И тут как раз громко хлопнула дверь в сенцах.

– Кого там еще нелегкая несет, – проворчала старуха и вышла из-за стола. – Светы мои-и... – вырвалось у нее, и ложка, которую она, как вышла в коридор, так и держала в руке, серебристо звякнула об пол. – Кто к на-а-ам... – совсем

уж тихим, дрожащим пришептыванием выдохнула старуха, и задеревеневшие, разом отяжелевшие ноги ее хотели, да не могли шагнуть навстречу.

– Мамка!

Алешка выскочил из кухни, бросился к матери; Аня, дрожа непослушной губой, подхватила сына обеими руками и, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, прижалась щекой к его горячей, в пушинках легких волос голове. Глаза ее блеснули слезным гляncем.

Аня шагнула, прямо с Алешкой на руках, навстречу Петровне, и так они и обнялись в эту первую минуту – через Алешку, повисшего на шее у матери. Аня даже почувствовала, что Алешка как бы противится дрожащим бабкиным рукам, обнимающим ее: почти с кошачьей цепкостью он впился пальцами в ее заплечье, словно боясь, что вот сейчас могут отобрать у него мать. Аня ткнулась через его плечо в пергаментно-иссушенные руки Петровны, старуха левой ладонью погладила ее по тугим жестким волосам, прошептала: «Истончилась там... затвердела...» И уж лучше б не слышать да не говорить этих слов, потому что обеим сразу закатились в глаза слезы. Алешка завожился на плече у Ани, неуклюже пополз вниз, больно ткнув мать острой коленкой в живот, шмыгнул меж матерью и бабкой наружу. Аня потрепала его по голове: «Эх ты...» И лишь только после этого они крепко обнялись с Петровной, потом оторвались одна от другой, улыбнулись встречной радостью.

– Приехала все же...

– Приехала, мама.

– А чего привезла?! – подпрыгивал рядом Алешка, теребя, а то и с силой дергая Аню за рукав. – А чего привезла, а?! –

Кому что, а рыбаку до щуки, – махнула на него притворно-рассерженно Петровна.

– Вот и не так, прокатился на пятак! – обрадованно перехватил Алешка. – А пятак-то лучше, чем кофейна гуща!

– Во-во... разошелся, – рассмеялась Петровна. – Уж как радуется, как радуется, Господи...

– Мам, а взрослый какой стал? Прямо не узнать! – подхватила игру Аня. – Как увидела сначала – ну, думаю, не Алешка, а...

– А кто? – с интересом, наклонив голову, уставился на мать Алешка...

– А как дедушка Пихто, – вставила Петровна.

– Вот и неправда, петуху забавно! Петуху забавно, а мне и подавно! – запрыгал вокруг них Алешка.

Улыбаясь, пошли наконец все в комнаты...

Ночью старухе не спалось. Будто сходила она в давно желанную, домашнюю баньку, отмылась там, попарилась, пообмякла душой и теперь вот лежала с благодным покоем на сердце. В иные минуты становилось душно и хотелось испить кваску, она вставала с постели, – а было это раза два-три за ночь, – шла на кухню и наливала себе полный гране-

ный стакан квасу с плавающими в нем хлебными размякшими корками. Бывает, хозяйки не любят эти корки, процеживают квас, а Петровне и это было в радость – почувствовать в нем особую горчинку хлебного мякиша. Она вставала, осторожно погромыхивала дверцей подполья, и все это старалась делать спокойно, размеренно, не торопясь – была и в этом сегодня сладость. Попив кваску, она уходила не сразу к себе в комнату, на постель, а переступала порожек большой комнаты, где на широкой тахте, в свете лунной рассеянной дорожки, разметавшись, спали Аня с Алешкой. Поначалу так, с порожка, невольно покачивая в радости головой, смотрела на них старуха, и потом поправляла одеяло. Спали крепко. Ни разу, сколько ни приходила старуха, никто из них не разомкнул глаз, за день намучились, намаялись во взаимной радости – теперь спали как убитые. Иной раз старуха подсаживалась на тахту или на стул рядом, смотрела на них, смотрела, и больше ей ничего не нужно было. Только бы посидеть, посмотреть на них, на родных. Лицо у Ани было даже помоложе, чем прежде, или так казалось старухе, но одно было явной ясностью – молодая она, ой какая еще молодая... Или это, может, свет лунный... да и просто хороша во сне любая женщина, а тут – жена сына, а тут – чего там – родная дочь... Мысли свои старуха далёко никогда не пускала, они были всегда близкие – сегодняшние, вчерашние, завтрашние, но сердце ее, прожившее долгую жизнь, было глубоко понятным, и оно ныло сейчас пускай и тихим, негромким, но тре-

возможным чувством, похожим на боль. Жизнь как сказка: что бы ни было, а ей все впору, любой поворот, любые кручи. Со всем смиряется жизнь. Но не со всем смиряется человеческое сердце. И не в этих, конечно, словах суть, а все же... И вот то улыбнется старуха, то чуть загрустит, сидя подле самых близких сердцу людей, и вся жизнь ее кажется ей сейчас долгой, мудрой, бесконечной... Иной раз она не выдерживала, протягивала руку к Аниным волосам и приглаживала какую-нибудь особо непослушную прядь.

И вот так бы сидела, сидела и сидела около них, смотрела бы и думала, но прохватывал мелкий озноб, старуха поднималась и уходила к себе.

На порожке она еще раз останавливалась, взглядывала на них в последний раз и с легким сердцем думала: ну, теперь все, теперь хорошо, теперь только и жить...

Глава пятая

– Так это вы и есть Анна Симукова? – Начальник ЖЭКа пристально смотрел на нее поверх очков.

– Как видите.

– Та-ак... Простите, конечно, но у вас какое образование? Кажется, среднетехническое?

– Среднетехническое.

– Вот видите, Анна Борисовна, человек вы образованный, а элементарных вещей не понимаете. Отчего бы это? Оттого, – назидательным тоном подчеркнул Шляпников, размашисто расписываясь в углу заявления, – что имеете в данном деле личную корысть. А личная корысть похвальна быть не может. – И он протянул Ане заявление.

Аня прочитала резолюцию: «В прописке тов. Симуковой А.П. на жилплощадь тов. Симуковой А.Б. отказать за неимением оснований».

– Почему же нет оснований? Я, кажется, имею право прописать на своей жилплощади не только мать, тем более что она отказывается от своей комнаты, но вообще любого человека. Площадь-то позволяет.

Шляпников смотрел на Аню откровенно-насмешливым взглядом.

– А обманывать государство вы тоже имеете право? – И еще через небольшую паузу: – Да и, кроме того, если уж быть

точными, жилплощадь, о которой вы говорите, принадлежит не вам, милая вы женщина, а заводу. Заводу, понимаете? Мы имеем право и отказать. Смотря как взглянуть на дело.

– Однажды вы уже взглянули на нашу квартиру, как вам этого очень хотелось. Да ничего не вышло. Квартира осталась за мной.

– Что ж, бывает, и суд ошибается. Было бы в прошлый раз иное решение, не тянулось бы это дело до сегодняшнего дня.

– Здорово! Вы что же, до сих пор считаете, что по справедливости хотели отобрать у нас квартиру?

– Не отобрать, милая вы женщина. Не отобрать, а вселить вас в двухкомнатную квартиру со всеми удобствами. Как это и положено вам по метражу.

– Да ведь вы не имели права этого делать. Суд же доказал вам!

– Путаница у вас все-таки в голове, Анна Борисовна. Это вы не имеете права обманывать государство, вводить его в который уже раз в заблуждение. А уж мы-то обязаны заботиться о человеке.

– Видно, как вы тут заботитесь!

– Посудите сами, Анна Борисовна. Вы, по молодости лет, совсем не думаете о старом человеке, который завтра может остаться без крыши над головой. Может остаться, лишь только вам вдруг этакое желание придет в голову – замуж выйти.

– Да не собираюсь я замуж!

Шляпников раза два-три насмешливо всхрикнул:

– Это уж вы, милая Анна Борисовна, совсем интересно говорите. Лучше давайте делайте, как положено: разбронировали площадь – и живите себе на здоровье. А свекровь оставьте в покое, пусть хоть на старости лет поживет на собственной жилплощади, независимо от ваших с ней отношений.

– Вы тут, я смотрю, совсем уже... Мораль читаете, а сами против закона. Я ведь с вашей резолюцией в суд пойду! Это вам так просто не пройдет, не безграмотную старуху за нос водите!

– Можете жаловаться куда угодно. Пожалуйста.

Хлопнув дверью, Аня вышла из кабинета.

Алешка с Петровной сидели рядышком, на стульях. Петровна и спрашивать ничего не стала, увидев на Анином лице пунцовые пятна. Подхватила Алешку за руку и потащила вслед за Аней. И на улице Петровна тоже ничего спрашивать не стала, ждала, когда Аня сама начнет.

– Мамка, ну, чего он там тебе сказал? Этот? – дернул ее Алешка за руку. – Я слышу, ты ему: тра-та-та-та! Испугался?

– Я вот что, мам, думаю. Поеду сразу в суд. – Аня повернулась к Петровне.

– Ой, лихоньки, – охнула Петровна.

– К тому судье, который... ну, помнишь, к которому в прошлый раз, когда судились, ездила. Человек хороший. Правильно поймет.

– Мамка, а с тобой можно?

– А ты уроки сделал?

– А нам Мария Ивановна ничего не задала.

– Как это еще? – усомнилась Петровна.

– А так, бабушка. Завтра годовая. Пятерок – то ух нахвата-е-е-ем!..

– Вишь вот как он тут без тебя! – Петровна потрепала Алешку по вихрам. – Ты, што ль, пятерку-то схлопочешь?

– Я не я, а мои друзья, а мои друзья – это, баб, и я, – скороговоркой выпалил Алешка.

Странно все это было слушать Ане, непривычно.

– Девушка, здесь в списке нет товарища Миронова...

– Николай Палыча? Он уже не работает у нас.

– Вон что-о... – протянула Аня.

– А вы, собственно, по какому вопросу? – голос у секретарши был приветливый. – Николай Палыч, кстати, переехал в Ревду, еще два года назад. Вы не по личному к нему вопросу?

– Да нет, мы насчет квартиры. Дело в том, что он был в курсе дела...

– Вы зайдите к Тамаре Павловне Сидоровой, она как раз принимает.

Сидорова выслушала Аню, взглянула на заявление, на резолюцию начальника ЖЭКа.

– Вопросы прописки находятся вне компетенции судов. Пропиской занимаются непосредственно ЖЭКи и милиция.

Туда вам и следует обратиться.

– А если там поступают противозаконно?

– В вашем случае это действительно так. Обычное самоуправство жэковских работников, преследующих местнические интересы. Почему же вы не обратились в милицию?

– Наоборот, милиция не один уже раз, пока я была на Севере, приходила к нам, предупреждала, чтобы мама не жила без прописки.

– Ну, это когда вас не было. К тому же, пока вас не было, ее и нельзя было прописать без вашей подписи на заявлении. Правильно делали, что заставляли прописываться там, где она и могла прописаться, – на собственной жилплощади.

– Значит, такого закона нет, чтобы ее нельзя было прописать у меня?

– Конечно, нет. Идите прямо к начальнику милиции с жалобой на ЖЭК о нарушении ими паспортного режима. Там их быстро приведут в чувство.

– Зина, тут вот у меня некто Симукова сидит. Нет, не Александра Петровна. Анна Борисовна, сноха ее. С Севера. Да, вернулась. У них такое дело: свекровь отказалась от получения комнаты за снесенный домишко, просит прописать у снохи. Знаешь уже? Хорошо. Передо мной тут их заявление с резолюцией Шляпникова. Ты вот что, ты давай с этим Шляпниковым бросай в бирюльки играть. Мы тут, понимаешь, боремся с нарушением паспортного режима, а он

потворствует нарушениям, создает такие ситуации, что, понимаешь, мне... Построже с ним, поняла? Я тут на обороте черкнул резолюцию: прописать немедленно! Сейчас они спустятся к тебе в паспортный стол, займись ими... Ну все.

* * *

– Теперь у вас все будет в порядке... вот здесь – видите? – начальник милиции поставил свою резолюцию, – здесь подписал я, а Шляпникову так и передайте: Зинаида, мол, Федоровна в следующий раз наложит на ЖЭК штраф, вот так, ну, а все остальное само собой... до свиданья!

– Мама, вы уж идите с Алешкой домой. Я теперь одна. Управляюсь теперь.

– Выходит, сказал, жить-то можно мне с вами?

– Да кто ж нам запретит, мама?

– А вот не разрешали же... ругались...

– Это так, на испуг брали. А нас на испуг не возьмешь. Так, Алешка?

– Меня-то? Да я ка-ак дам!..

– Вишь, вояка какой, – устало улыбнулась Петровна. – Пошли-ка вот домой, ужин пока сварганим, а там и мама наша придет.

Шляпников, в круглых очках, с мясистыми щеками, спо-

койно, как и в первый раз, рассматривал бумаги, на которых стояли резолюции, в том числе и его собственная.

– Добились, значит, своего? – спросил тоже спокойным тоном.

– Зинаида Федоровна, кстати, передала вам, что в другой раз наложит на ЖЭК штраф.

– Ах, Зинаида Федоровна, Зинаида Федоровна... – Шляпников достал из кармана ручку, положил перед собой заявление. – В суд-то не забыли сходить, Анна Борисовна?

– Да уж не забыла, не беспокойтесь.

– И как?

– Да так, обычное самоуправство жэковских работников, сказали.

– Говорить-то вот все мастера. А где брать лишнюю жилплощадь? Впрочем, я не о том. Объяснили они вам ваше заблуждение, будто меня по суду можно...

– Объяснили все как надо. Ладно, Фрол Данилыч, ставьте подпись, а то я сегодня уже замоталась.

– Ну, еще бы, – сказал Шляпников. – Между прочим, насколько я заметил, кое-что вы успели перенять у своего покойного мужа. Напористость, например.

– Вот бы он обрадовался, услышав, кто его похвалил!

– Ну-с, – Шляпников размашисто наложил новую резолюцию, – не в словах ведь дело. Хотя и в словах тоже. – И протянул Ане бумаги.

То, что она прочитала, даже как-то не совсем сразу дошло

до нее. Но нет, там синим по белому четко, внушительно раскинулась фраза: «В настоящее время прописать тов. Симукву А.П. на жилплощади тов. Симуковой А.Б. возможным не представляется. Ф.Шляпников».

Аня с оторопью посмотрела на начальника ЖЭКа.

– Да вы что, издеваетесь, что ли?! – почти сиплым от ненависти голосом выдохнула она. – В самом-то деле хоть какую-то правду, хоть какую-то законность признаёте?! Или вам вообще наплевать на законы?!

– Милая Анна Борисовна, кто же мне приказать может? Против закона кто пойти прикажет?

– Нет, но вам же ясно написали... Вам же приказали!

– А-а-анна Борисовна, кто же мне приказать может? Против закона кто пойти прикажет?

– Да против какого закона?! Что вы все время плетете какие-то словесные паутины?!

– Отказ от ордера на собственную жилплощадь – это, что ни говорите, дело необычное. Положим, вам захотелось плюнуть на все, бросить жилье, швырнуть демонстративно ордер – а государство вам не даст этого сделать. Государство о вас заботится. Чтобы вы не по настроению жили, а чтобы как полагается. Мало ли что Александра Петровна, свекровь ваша, написала заявление об отказе от комнаты, надо, чтобы это заявление не только, скажем, в жилкомиссии у нас или вот мной было подписано. Мало этого. Дело-то необычное, неестественное дело. Надо, чтобы на заседании исполкома

его заслушали. И чтобы утвердили, значит. Вот тогда, может, еще и можно было бы что-то сделать. А так... извините, никакой возможности прописать лично я не имею...

— Как не подписал?! Опять не подписал?! — Словно в восхищении от наглости Шляпникова, начальник милиции даже прицокнул языком. Поднял телефонную трубку. Набрал номер: — Шляпникова! Что? Куда ушел? Так. Ладно. — Повесил трубку, набрал новый номер. — Степан Емельянович? Приветствую. Смольников. Слушай, у тебя Шляпников что-то совсем... как почему? Да вот сидит тут у меня Анна Симукова, многострадалица, вернулась с Севера, где у нее трагически погиб муж. Хочет прописать к себе свекровь, которая и без того, без всякой прописки, давно уже живет с ней одной семьей, оставалась здесь с внуком. Знаешь уже? Тем лучше. Так вот ты мне скажи... Что? Да при чем тут это? Что у них там дальше будет, это никого не касается. Понимаешь — с юридической точки зрения это не имеет никакого значения. При чем тут нравственный аспект? Пойми же — права нет такого, отказывать. Да, нет права. А уж это касается только их: будут они дальше жить вместе или нет, им видней. Мало ли что нам придется снова заниматься... Какое еще заседание исполкома? Послезавтра? Тьфу ты черт, ну и любим же мы разную волокиту разводить. Ну, мне не веришь, спроси у прокурора. Да, про-ти-во-за-кон-но. Ты же должен сам это знать, председатель исполкома как-никак. Да. Да. Имен-

но. Шляпников всех за нос водит, а прикрывается высокими словами. Да позвони хоть прокурору, он тебе растолкует. О старухе заботимся, это хорошо, но надо и законы соблюдать. Пока, ладно. Пока. – Повесил трубку. Помолчал минуту. – Ну, что я вам могу сказать, Анна Борисовна? Ждали вы много, подождите еще два дня. Вы все слышали. Послезавтра заседание исполкома, там и решат с орденом вашей свекрови. А пока... ну, что делать? Если люди законов не знают, нужно время, чтобы объяснить им законы. Приказать тут никто не может, так что вот так. Всего доброго. До завтра. Нет, до послезавтра.

К ночи обе взгрустнули.

Петровна включила электрический самовар, вытащила из залавка пол-литровую банку малинового варенья.

– Чего-то ломотой идут кости-то, – вздохнула старуха.

– Ну, давай, давай, мам, попьем с малинкой. Это верно. – Аня присела к столу, подперев ладонями лицо. Смотрела на Петровну, следила за ее движениями. Спокойно все было в матери, сдержанно.

– Не успеем оглянуться, а там и картошку окучивать. – Петровна достала из горки два блюда, две чашки – белый горох, оранжевое поле. Из чашек этих пили редко, почти никогда, – когда-то подарили их Ане с Кольшей на свадьбу, говорили – на счастье. Много чего за жизнь говорено, много чего услышано.

– Окучим, мам.

– Не без того.

Заварила чай Петровна сама, любила заваривать. Летом ли, зимой, а на дно чайника, ошпаренного кипятком, она любила положить смородиновый лист, а зимой еще – сушеных ягод, и уж только потом засыпала чай, обваривала его кипятком. Чай настаивался индийский, а вкус давал русский, садом дышал, летом, ягодной сладостью-горечью.

– Все как раньше, – улыбнулась Аня.

– Не иначе.

Чай был густой, пыхал жаром, так что чуть позвякивала крышка заварного чайника, а из носика к самому его окраешку подбирался, рвясь на свободу, фырча, пенисто-тугой янтарь заварки.

– Небось давно не пивала нашенского.

– Давно, мама.

– Я уж думаю, ну не едет Аня-то, не едет... Думаю, как мы тут одни.

– Приехала, мама.

– Это хорошо. Чего там – конечно, хорошо. – Старуха твердой рукой брызнула из чайничка по чашкам, ударило запахом смородиновой листвы.

– Чего-то там Алешка... взгляни-ка.

Но Аня уж и сама услышала, выскочила из кухни в большую комнату к сыну. И вот, когда взглянула на него, как бы замерла взглядом на его лице, у нее вдруг резко, больно коль-

нуло по левую руку, даже дыхание замерло, застряло где-то посреди груди... Алешка бормотал во сне – что, какие слова, не разобрать, да это и не важно, просто вот сейчас, в эти секунды Аня с обостренной болью почувствовала, разобралась, разглядела, насколько же Алешка – вылитый отец. Что он похож на него, это было понятно всегда, настолько понятно, что как-то даже и думать иной раз об этом не думаешь, а здесь – ну просто вылитый Кольша. И не потому боль, что – вылитый, а потому, что еще раз пронзила все существо мысль: нет Кольши, нет его, не-ет... Иные минуты – как смирение перед жизнью, а иные – задыхаешься, как подумаешь только, что же это такое – смерть... ну, навсегда... насовсем... на веки вечные... нет с ними Кольши. Нет. И никогда не будет. Тут мысль забирается в такие дали, что лучше бы и не возникать ей совсем, стон рвется из груди, руками обхватишь голову, а понимания, осмысления – нет.

Алешка бормочет что-то, а Аня в какую-то минуту вдруг осознает, что стоит, оказывается, рядом с ним, давит себе ладонями на виски.

Осознала это, поняла, опустила руки...

Вот и лоб – крутой, широкий, надбровья резкие – как у Кольши. И губы Кольшины – словно чуть обижены, выпячены вперед, мужские толстые губы. И брови, сдвинутые к переносице, будто он хмурится недовольно, тоже как у Кольши. И лопоухий, как отец.

– Ну, чего он тут еще? – шепотом спросила Петровна сза-

ди. Ане не хотелось оборачиваться, выдавать себя, только рукой показала: тихо, мама, – и решила еще постоять, малость успокоиться.

Старуха подошла поближе.

– Ань.

Аня не оборачивалась...

– Ань, ну... Ты чего, а? Ты чего это?

И как только рука Петровны коснулась плеча Ани, у той брызнули из глаз слезы.

– Ну, ты што, Ань... што ты... пойдем... – Обняв ее, старуха так и стояла позади Ани, приглаживая ее волосы сухой своей, оказывается, совсем легкой ладошкой. – Вот еще... ну, ты што... вспомнилось-пригорюнилось?... Ничего, ничего.

Плакать было нельзя – разбудишь Алешку. Аня и успокоилась, утихла мало-помалу.

Сели пить чай.

– Остыл уж, смотри-ка. – Петровна наново включила самовар. – Ты бы как-нито к Марье Ивановне зашла. К учительнице.

– Зайду, а как же, – все еще не поднимая глаз, но обрадованная начавшимся разговором, ответила Аня и отхлебнула чаю.

– Не жалобится, а и не похвалит особо. Молчит, говорит, все больше.

– Алешка-то?

– Алешка.

– Ничего, теперь заживем, смеяться будет. – Аня улыбнулась. – Подлей горяченько-го-то, мам.

– Во-от... – Старуха подлила в чашки свежего чайку. – Смеяться не смеяться, а покою б нам надо. Спокойства. Вот чего.

– Да ты не думай об этом, мам. Все равно пропишут.

– В том-то дело... Жить нам надо вместе. И чего они там никак не поймут?

– Да выдумывают разное...

– Мы дорогой-то, как возвращались, смотрим с Алешкой, Лидуха бежит.

– Ну да.

– Замуж вышла девка. Знаешь, нет?

– Ну? Смотри, и ей наконец счастье подвалило.

– Подвалило не подвалило, а носится нынче будь здоров. Семеюшка как зачалась, тут, девка, держись. Кормить семеюшку надо.

– Дело обычное.

– Я и говорю: Лид, забежала б когда. Говорит, когда-ни-то забегу. Порассказала я ей, какая у нас тут закавыка. Лид-ка-то девка башковитая, говорит, ежели не получится, надо опекуном меня, значит.

Аня перестала пить чай.

– Как опекуном?

– А так. Бумагу подать, поняла? Закон такой есть: опеку-

на прописывают. Тут уж не попрут противу закону. Прописывай – и на этом конец.

– Странно как-то, мама.

– Будет странно, коли ни в какую не идут. Поди докажи им.

– Ладно, мам, так или иначе, а все равно сделаем. Не беспокойся. Уладим.

Петровна поднялась, заглянула в большую комнату. Ноги у старухи окутывали синие вздувшиеся жилы, сарафан болтался, а шаг был тяжелым, шаркающим.

– Беспокоится што-то. Видать, может, заново мать поджидает, – улыбнулась Петровна.

– Ян сама не верю до сих пор, что дома, с вами.

– Навсегда приехала-то? – Старуха и сама не ожидала, что так грубо прозвучит ее слово. Осеклась.

– Мам, ну, ты скажешь тоже.

– Да это я так. К слову. К тому, может... сама знаешь...

– Что?

– Ну, ежели судьба какая тама... ты смотри... не оглядывайся особо. Был Польша – и нет Польши. – Руки у старухи легонько задрожали.

– Польше ребята памятник поставили. Не особый какой, но памятник. Буровики-друзья ставили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.